Министерство науки и высшего образования Российской Федерации

НАЦИОНАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ

ТОМСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ (НИ ТГУ)

Автономная магистерская программа «Миграционные исследования»

ДОПУСТИТЬ К ЗАЩИТЕ В ГЭК

Руководитель ООП
Д.и.н., профессор
_____ И.В.Нам
«16» сентября 2019 г.

МАГИСТЕРСКАЯ ДИССЕРТАЦИЯ

СОЦИОКУЛЬТУРНЫЙ АСПЕКТ МИГРАЦИЙ В ЯПОНИИ В XX- XXI ВВ

по основной образовательной программе подготовки магистров
направление подготовки 46.04.03- Антропология и этнология

Руководитель ВКР
д-р ист.наук, профессор
_____Л.И. Шерстова
«_____»_____20__ г.

Автор работы
студент группы № 28723
_____Д.В.Гумпылова

Томск–2019

СОДЕРЖАНИЕ.

ВВЕДЕНИЕ 3
ГЛАВА 1. Динамика демографических процессов в Японии и миграции 9
1.1. Основные этапы миграционного движения в Японию в XX - начале XXI в. 9
1.2. Исторический и общественно- политический контекст осуществления миграционной политики 18
ГЛАВА 2. Социокультурное и правовое положение мигрантов в Японии. ... 30
2.1. Японское законодательство о миграциях и мигрантах 30
2. 2. Отношение японского общества к мигрантам 38
2.3. Положение мигрантов из разных стран в Японии 44
2.4. Проблемы адаптации мигрантов в японском обществе 56
ЗАКЛЮЧЕНИЕ 64
СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ. 69

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность исследования. Миграционная политика Японии в XX–XXI вв. и её последствия — это вопрос, принципиально важный не только для самой Японии, но и для всего мира в целом. Прежде всего, благополучие столь крупного международного игрока, безусловно, будет сказываться на мировой экономике. Кроме того, те вызовы, с которыми столкнулась Япония в сфере миграции, а также её ответ на них, представляют интерес для всей мировой юридической и политической практики в сфере миграции. С особенным вниманием следят за миграционными процессами Японии российские исследователи, так как специфика проблем и возможностей их решения у нашей страны весьма похожи. Потому **актуальность** подобного рода исследований в отечественной науке сложно переоценить.

За период с середины XIX в. до наших дней миграционная политика Японии претерпела огромное количество кардинальных изменений, но пока не достигла своей цели — решения демографического вопроса. Численность населения Японии была максимальной в 2004 г. — 127,79 млн человек[1]. С тех пор она постоянно снижается. По прогнозу Бюро статистики Японии, если ничего не будет принципиально меняться, то к 2060 г. численность населения составит менее 84,5 млн человек, то есть уменьшится за 50 лет в полтора раза. При этом, четверть из этих людей будут составлять граждане старше 65 лет[2].

Сегодня для нормального развития Японии необходимы мигранты — причем в массовом порядке. Некоторые исследователи называют цифру в 600–700 тыс. человек, которые должны въезжать в страну каждый год для полноценного обеспечения рынка труда. Анализ подхода Японии для привлечения желанных иностранных граждан — прежде всего, высококвалифицированных специалистов — и отсеивания неблагонадежных

[1] Бюро статистики Японии // URL: http://www.stat.go.jp/data/getujidb/index.html.
[2] Там же // URL: http://www.stat.go.jp/data/nenkan/02.html

полулегальных или нелегальных работников также представляется актуальным, учитывая демографическое состояние России.

Степень изученности темы. При написании выпускной работы мы отталкивались от трудов, как и зарубежных, так и отечественных исследователей. Мы опирались на изучение и обобщение мнений, почерпнутых в основополагающих работах по истории Японии таких отечественных исследователей как А. Е. Жуков,[3] А. Д. Воскресенский[4], Д. В. Стрельцов[5], Н. Ф. Лещенко[6] и др. Данные из этих работ помогли нам рассмотреть исторические процессы в Японии, необходимые для развития миграционной политики. Среди зарубежных источников, в том числе и японских стало целесообразным обращение к комплексным трудам по истории Японии, подготовленных при поддержке Кембриджского, Стэндфордского и Токийского университетов П. Даасом[7], М. Б. Янсеном[8] и др. Изучая особенности японского миграционного процесса и различные подходы к его регуляции, мы обратились к монографиям Б. Т. Броди[9], Мотоко Цучида[10], Е. В. Вагнера[11], Т. Тсюда[12]. Для рассмотрения специфики

---

[3] История Японии: В 2 т. / Ред. А. Е. Жуков. — М.: Институт востоковедения РАН, 1998.

[4] Воскресенский А. Д. Политические системы и модели демократии на Востоке. — М.: Аспект Пресс, 2007. —С.190.

[5] Политическая система современной Японии: Учеб. пособие для студентов вузов / Под ред. Д. В. Стрельцова. — М.: Аспект Пресс, 2013. — С.384.

[6] История Японии / Н. Ф. Лещенко и др.; под ред. Д. В. Стрельцова; Ассоц. японоведов; МГИМО(У) МИД России; Ин-т востоковедения РАН. — М.: Аспект Пресс, 2015. — 559 с.

[7] The Cambridge History of Japan. — Vol. 6: The Twentieth Century. / Ed. by P. Duus. — Cambridge: Cambridge University Press, 1989. — P. 888.

[8] Reischauer E. O., Jansen M. B. The Japanese Today: Change and Continuity. — Cambridge, Massachusetts: Belknap Press, 1995. —P. 438.

[9] Brody B. Opening the Door, Immigration, Ethnicity and Globalization in Japan. — New York; London: Routledge, 2002. — 152 p.

[10] Tsuchida Motoko. A History of Japanese Emigration from the 1860s to the 1990s // Temporary Workers or Future Citizens? Japanese and U.S. Migration Policies / Eds. M. Weiner, Tadashi Hanami. — New York: Macmillan. — P. 77–120.

[11] Wagner E. W. The Korean minority in Japan 1904–1950. — New York: Institute of pacific relations, 1951. — 108 p.

[12] Tsuda Takeyuki. Reluctant Hosts: The Future of Japan as a Country of Immigration // http:// migration.ucdavis.edu/cmpr/feb01/Tsuda_feb01.html.

японской культуры мы обратились к таким авторам как В. М. Алпатов[13], С. В. Чугров[14], М. И. Крупянко[15]. Из зарубежных авторов: Накане Чие[16], Д. Денон[17], Д. М. Китагава[18] и др. Большую ценность для нашего исследования представляли статьи, посвященные изучению вопросов миграции, подготовленные С. Б. Маркарьяном[19], Н. В. Анисимцевым[20], Э. В. Молодяковой[21],а также В. Игучи[22], А. Кондо[23], Акаха Тсунео[24], и др.

Объектом исследования являются миграционные процессы в современном мире. Влияние на мировую экономику постоянных перемещений населения — давно известный факт, который сегодня осложняется такими феноменами как глобализация политики, экономики, культуры и др., а также постоянным стремительным развитием технологий, упрощающих это перемещение.

Предметом исследования является социокультурный аспект миграций в Японии.

---

[13] Алпатов В. М. Япония: Язык и культура. — М.: Языки славянских культур, 2008. — 206 с.

[14] Чугров С. В. Япония в поисках новой идентичности / Ин-т мировой экономики и междунар. отношений РАН. — М.: Вост. лит., 2010. — 311 с.

[15] Крупянко М. И. Японский национализм: идеология и политика / М. И. Крупянко, Л. Г. Арешидзе; Ин-т востоковедения РАН. — М.: Междунар. отношения, 2012. — 401 с.

[16] Nakane Chie. Japanese Society. — Berkeley: University of California Press, 1972. — 172 p.

[17] Multicultural Japan: Palaeolithic to Postmodern / Ed. by D. Denon, M. Hudson, G. McCormack, and T. Morris-Suzuki. — Cambridge: Cambridge University Press, 2001. — 306 p.

[18] Китагава Д. М. Религия в истории Японии / Пер. с англ. Н. М. Селиверстова; под ред. С. В. Пахомова. — СПб.: Наука, 2005. — 558 с.

[19] Мировой кризис и Япония. / Ю. Д. Денисов и др.; отв. ред. И. П. Лебедева, С. Б. Маркарьян; Ин-т востоковедения РАН; Японский фонд. — М.: АИРО-XXI, 2009. — 246 с.

[20] Анисимцев Н. В. Иммиграционная политика Японии: сохранение национальной идентичности в условиях глобализации // Вестник МГУ. — Серия 18: Социология и политология. — 2005. — №4. — С. 113–125

[21] Молодякова Э. В. Трансформация иммиграционной политики Японии. //Японский опыт для российских реформ. — Вып. 1. — М., 2002. — С. 54–62.

[22] Iguchi Y. Prospects on migration policy reform from standpoint of Economic Integration in East Asia // Migration Policy Review. — 2009. — №1. — P. 18–35.

[23] Kondo A. Development of Immigration Policy in Japan // http://www.jp.kyusan-u.ac.jp./J/keizai/pdffiles/Development%20Immigration%20Policy20%in2-%20Japan.pdf.

[24] Akaha Tsuneo, Kashiwazaki Chikako. Japanese Immigration Policy: Responding to Conflicting Pressures // Migration Information Source: Fresh Thought. Authoritative Data: Global Reach. — Washington: Migration Policy Institute, 2008. // URL: https://www.migrationpolicy.org/article/japanese-immigration-policy-responding-conflicting-pressures.

Цель данного исследования: выявление особенностей миграций в Японии в XX–XXI вв. в контексте ее социокультурных особенностей.

Для достижения цели поставлены следующие **задачи**:

— Выявить основные этапы миграционного движения в Японии

— Определить основные этапы формирования современной миграционной политики Японии; изучить миграционную современную нормативно-правовую базу Японии;

— Выявить основные типы миграций в Японии;

— Охарактеризовать культурно-исторический и правовой контекст положения мигрантов в Японии;

— Показать отношение к мигрантам в японском социуме, сделав акцент на выявлении ментальных и идеологических особенностей японцев;

— Изучить основные стратегии адаптации мигрантов в японском обществе;

— Дать анализ перспектив, возможностей и проблем в регулировании международной миграции и правового положения мигрантов в Японии.

Среди **методов**, которые будут использованы в работе, можно отметить такие как: анализ и синтез (при изучении исторических процессов, повлиявших на текущее состояние миграционной политики Японии), сравнительно-исторический метод (при выявлении и сопоставлении уровней эволюции миграционной системы Японии, происшедшие изменения, определить тенденции ее развития), историко-описательный метод (при описании социокультурного и правового положения мигрантов в японском обществе)

Источниковая база исследования. Источники, использованные в данном ВКР можно разделить на: периодическую печать, статистические издания, документы государственных органов**.**

Периодическая печать представлена данными из таких изданий, как газета «Асахи синбун», которая была использована для рассмотрения особенностей демографической ситуации в Японии во время развития миграционных перемен в начале 20 века[25], а также для прослеживания статистических данных об увеличении количества иностранных граждан в Японии ежегодно в различные периоды времени

Статистические издания. Важным источником в данной работе послужили сборники ежегодников Ёрон тёса нэнкан (Ежегодник изучения общественного мнения в Японии, издается Канцелярией премьер-министра)[26] и Нихон токэй нэнкан (Япония: статистический ежегодник)[27], где рассматриваются различные стороны отношения местного населения к расширению миграционных процессов и увеличения иностранных резидентов в Японии.

В качестве *документов государственных органов* можно выделить «Основной план по миграционному контролю 2015»[28] в данном документе подробно представлен текущий статус развития миграционной политики Японии и законы, регулирующие миграционные процессы и определяющие положение мигрантов.

Структура магистерской диссертации продиктована целью и задачами исследования. Работа состоит из Введения, двух глав («Динамика демографических процессов в Японии и миграции»; «Социокультурное и правовое положение мигрантов в Японии»), Заключения и библиографического списка.

Введение раскрывает актуальность и значимость исследования, определяет степень научной разработанности заявленной темы, объект, предмет, цель, задачи и методы исследования.

---

[25] The Asahi Shimbun Japan Almanac. — Tokyo: Asahi Shimbun Pub. Co, 1996–2010.

[26] Ёрон тёса нэнкан (Ежегодник изучения общественного мнения в Японии, издается Канцелярией премьер-министра). — Токио, 1990–уп;

[27] Нихон токэй нэнкан (Япония: статистический ежегодник). — Токио, 1993–2018.

[28] Basic Plan for Immigration Control (5d edition) // http://www.immi-moj.go.jp/seisaku/2015_kihonkeikaku_honbun_pamphlet_english.pdf

В первой главе представлен исторический обзор основных этапов миграционного движения в Японию и общественно-политический контекст осуществления миграционной политики. Выявлены особенности японского экономического развития XX–XXI вв., сформировавшие потребность в мигрантах и отношение к ним правительства и общества.

Вторая глава посвящена непосредственно изучению законодательных и правовых аспектов миграционной политики Японии — в частности, рассмотрено их развитие в XX–XXI вв. При рассмотрении действительного положения мигрантов из разных стран выявлены очевидные противоречия теории и практики осуществления миграционной политики. Кроме того, в главе представлен социокультурный аспект миграции в Японии: рассмотрено общепринятое отношение японцев к мигрантам и степень интеграции последних в японское общество. Проанализированы основные проблемы адаптации мигрантов и возможные пути их решения.

В заключении подводятся итоги исследования, формулируются выводы по теме.

ГЛАВА 1. Динамика демографических процессов в Японии и миграции

1.1. Основные этапы миграционного движения в Японию в XX - начале XXI в.

Из-за географической удаленности и периодов самоизоляции иммиграция, культурная ассимиляция и интеграция иностранных граждан в основное японское общество были сравнительно ограниченными. Историк Юкико Коширо определил три исторически значимые волны иммиграции до 1945 года: поселение VIII века корейских художников и интеллектуалов; убежище, предложенное небольшому числу китайских семей в 1600-х годах; и принудительная иммиграция до 670 000[29] корейских и китайских рабочих во время Второй мировой войны[30].

Известно, что с середины XVI в. до 1853 гг. длилась эпоха «Закрытия страны», или полная изоляция Японии и, соответственно, отсутствие иммиграции. Между тем, существовали внутренние миграционные потоки: впрочем, они были весьма ограничены, в виду того, что большая часть населения была представлена крестьянами, либо небольшими горожанами-ремесленниками, — иначе говоря, людьми, не обладавшими в полной мере правами свободного передвижения и выбора своего места жительства.

Страна оказалась впервые открыта в середине XIX в. и вплоть до 1945 г. продолжался период массовой эмиграции и колониальной иммиграции. Для Японии становится характерной такая проблема как перенаселение: в итоге, огромные массы крестьян эмигрируют за границу — по большей части, в США, Бразилию и Перу.

Также в этот период активно развивается внутренняя миграция — следствие либерализации японской политики, открывшей для всего населения возможность самостоятельно принимать решения о своих

---

[29] Rummel R. J. Statistics Of Japanese Democide: Estimates, Calculations, And Sources / URL: http://www.hawaii.edu/powerkills/SOD.CHAP3.HTM

[30] Brody B. Opening the Door, Immigration, Ethnicity and Globalization in Japan. — New York: Routledge, 2002. — P. 31.

перемещениях и смене места жительства. В том числе увеличилась и внешняя миграция — в основном, из стран Юго-Восточной Азии.

В 1945 г. со стороны властей начинается строгий надзор за миграционными процессами: принимается ряд законов, утвердивших жесткий контроль как эмиграции, так и иммиграции. В том числе, вновь контролируются внутренние миграционные потоки.

Вследствие утраты Японией своих колоний, начинается процесс обратной миграции коренного населения: многие японцы, уехавшие в Южную Америку возвращаются обратно.

После 1945 года, в отличие от иммиграции гастарбайтеров, поощряемой в развитых индустриальных экономиках, таких как Германия, Япония в большей степени могла полагаться на внутренние резервы сельского труда для удовлетворения потребностей промышленности в рабочей силе. В общем, можно сказать, что на протяжении всего послевоенного времени в Японии вопрос о дефиците рабочих сил остро не стоял: «Даже в период высоких темпов роста в условиях бурно развивающихся промышленности и сферы услуг она пополнялась за счет притока сельского населения, ухода из деревни молодежи. Ее недостаток восполнялся также внедрением в широких масштабах новейших техники и технологий»[31].

Период 1951–1980 гг. стал для Японии временем расцвета экономики. Возросшая потребность в рабочей силе провоцирует внутреннюю миграцию населения из села в города. Период особенно активной урбанизации приходится на 1955–1973 гг. При этом, потребность в рабочей силе, в принципе, полностью удовлетворялась населением страны: эффективная экономика Японии отличалась высокотехничностью производства. В итоге, в определенный момент практически на законодательном уровне возникает концепция моноэтничности государства, согласно которой иммиграция в

[31] Маркарьян С. Б. Проблема иммиграции в контексте демографической ситуации // Япония, открытая миру / Рук. проекта Э. В. Молодякова. — М.: АИРО-XXI, 2007. — С. 228.

страну стала рассматриваться как нарушение национальных интересов[32] и, соответственно, продолжала строго контролироваться.

Впрочем, требования владельцев малого бизнеса и демографические сдвиги в конце 1980-х годов в течение ограниченного периода породили волну молчаливо признанной нелегальной иммиграции из таких стран, как Филиппины и Иран[33]. Данные поблажки стали возможны, в связи с тем, что выходцы из Юго-Восточной Азии были согласны выполнять работу, которой уже не хотели заниматься благополучные японцы.

Офшоринг производства в 1980-х годах также позволил японским фирмам в некоторых трудоемких отраслях, таких как производство электронных товаров и сборка автомобилей, снизить свою зависимость от импортируемой рабочей силы. Теперь им требовались настоящие профессионалы, но в страну продолжали въезжать представители менее развитых стран Азии, которые, конечно, не имели ни образования, ни необходимой квалификации. В итоге, несмотря на проводимую рецессию, поток подобных иммигрантов не прекращался и в 90-х годах.

Итак, только в 1980-е годы происходит ослабление контроля иммиграции, связанное с возникшим очевидным дефицитом рабочей силы. В 1981 г. Япония присоединяется к Конвенции ООН о статусе беженца. Чтобы привлечь в страну необходимых специалистов и при этом ограничить въезд неквалифицированных работников, полностью пересматривается система предоставления различных легальных статусов иностранцам.

Также возникает проблема излишней концентрации населения в крупных городах. Власти Японии развивают специальную внутреннюю политику, призванную способствовать выравниванию регионов с точки зрения их социально-экономического развития.

---

[32] Iguchi Y. Prospects on migration policy reform from tokyodpoint of Economic Integration in East Asia // Migration Policy Review. — 2009. — №1. — P. 26.

[33] Brody B. Opening the Door, Immigration, Ethnicity and Globalization in Japan. — New York: Routledge, 2002. — P. 34.

С 1990 г. и до наших дней в Японии проводится принципиально новая миграционная политика. В стране существует 28 статусов пребывания иностранцев, регулирующие время пребывания и разрешенные виды деятельности. Продолжается тенденция привлечения высококвалифицированных трудовых мигрантов — 16 из этих 28 статусов являются рабочими. Открывается возможность постоянного проживания в Японии иностранцев — в качестве постоянных резидентов, беженцев или трудовых мигрантов.

В 1990 году новое правительственное законодательство предоставило южноамериканцам японского происхождения, таким как японские бразильцы и японские перуанцы, льготный иммиграционный статус рабочей визы. К 1998 году в Японии в качестве резидентов было зарегистрировано 222 217 граждан Бразилии, а также небольшие группы из Перу и Аргентины. В 2009 году, когда экономические условия были менее благоприятными, эта тенденция была обращена вспять, поскольку правительство Японии представило новую программу, которая будет стимулировать бразильских и других латиноамериканских иммигрантов к возвращению домой со стипендией в размере 3000 долларов на авиабилеты и 2000 долларов на каждого иждивенца[34].

Итак, в случае трудовых мигрантов проводится так называемая политика «трёх дверей». «Парадная дверь» — никкейдзин — предназначена для потомков японских эмигрантов, которым правительство предоставляет множество дополнительных возможностей и послаблений для въезда в страну и трудоустройства в Японии.

«Боковая дверь» создана для привлечения учащихся-стажеров и практикантов, как правило, молодых. Она рассматривается, прежде всего, в контексте просвещения развивающихся стран, или передачи им успешного опыта ведения экономики и новых технологий. Почему?

---

[34] Tabuchi Hiroko. Japan Pays Foreign Workers to Go Home // New York Times. — 22.04.2009 / URL: https://www.nytimes.com/2009/04/23/business/global/23immigrant.html.

Наконец, «задняя дверь», через которую, используя туристическую визу, в страну приезжают нелегальные мигранты. Конечно, с этим типом мигрантов правительство всячески борется, разрабатывает строгие системы штрафов, активно прибегает к депортации.

Что касается внутренней миграции, то здесь явно заметна тенденция к оттоку населения из крупных городских центров в небольшие города и поселения[35].

По состоянию на вторую половину 2015 года, с ростом числа пожилых японцев и нехваткой рабочей силы в ключевых секторах, таких как строительство, IT и здравоохранение, японские политики вновь обсуждают необходимость расширения временных пулов иностранной рабочей силы за счет использования коротких программы стажировки[36].

Попробуем разобраться в нынешней японской демографической ситуации. В 1920 г. началась регулярная перепись населения. Если судить по ней, то к 2000 г. его численность увеличилась с 55,9 млн. до 126,9 млн. человек[37], из которых 62 млн. представляют собой мужчины, и 65 млн. — женщины[38]. Между тем, с каждым годом происходило заметное снижение темпов прироста. Для сравнения: с 1960 по 1980 гг. рост численности населения составлял 24%, а с 1980 по 2000 гг. — уже 8,5%. За 1977 г. он впервые упал ниже 1%, в 1999 г. уже был равен 0,16%, а в 2000 г. — 0,18%[39].

При этом, известно, что Япония занимает первое место в мире по показателям продолжительности жизни, которая еще в 1935 г. была равна 47 годам для мужчин и 50 — для женщин, к 1960 г. выросла до 65 и 70

---

[35] Akaha Tsuneo, Kashiwazaki Chikako. Japanese Immigration Policy: Responding to Conflicting Pressures // Migration Information Source: Fresh Thought. Authoritative Data: Global Reach. — Washington: Migration Policy Institute, 2008. // URL: https://www.migrationpolicy.org/article/japanese-immigration-policy-responding-conflicting-pressures.

[36] Sekiguchi Toko. Japan Skirts Immigration Debate by Offering 'Internships' to Foreigners // The Wall Street Journal. — 14.04.2015 / URL: https://www.wsj.com/articles/japan-skirts-immigration-debate-by-offering-internships-to-foreigners-1429049533.

[37] Нихон кокусэй дзуэ (Япония в диаграммах и цифрах). — Токио, 1981. — С. 60.

[38] Кэйдзай токэй ненкан (Ежегодник экономической статистики). — Токио, 2001. — С. 35.

[39] Там же. Facts and Figures of Japan. — 2001. — P. 7.

соответственно, а в 2004 г. достигла значений 78,64 г. и 85,59 лет[40]. В связи с этим, демографы рассчитали прогноз, согласно которому к 2050 г. численность населения Японии стремительно сократиться до 100 млн. человек[41]. В действительности уже в 2005 г. Япония потеряла в численности населения 10 тыс. человек[42].

Кроме того, очевидно, что перевес в возрастной структуре населения граждан старше 70 лет связан с увеличением необходимости материальной поддержки и социального страхования, которую придется обеспечивать работоспособному населению, которое, в свою очередь, с каждым годом уступает в количестве первым. Впрочем, японские исследователи тут пока не бьют тревогу, так как превосходная система здравоохранения за последние десятилетия сумела достичь такого уровня обеспечения и доступности для граждан, что уже в конце 90-х гг. среди 60–70-летних лишь 1,5% людей нуждались в особом уходе по болезни.

Поднимая вопрос о работоспособной группе населения, приходится заключить, что она сокращается, в том числе, с другой стороны — увеличивается время взросления и достижения зрелости у молодёжи. Всё больше молодых людей предпочитают оттягивать момент выхода на работу: продолжают учиться либо вовсе предпочитают «бездельничать» или выбирают простую, необременяющую работу в сфере услуг. Из-за этого в Японии чувствуется острая нехватка высококвалифицированных молодых специалистов.

Между тем, ряд исследователей обращает внимание на рост рабочей активности женщин, которые до этого либо не допускались, либо попросту не принимали участие в трудовом процессе. Даже в 1980 г. работающих женщин в Японии было лишь 38,7%, а в 2000 г. заняты всего 40,8%. Постепенно увеличивается средний возраст замужества: если в 1950 г. он составлял 23 года, то в 2004 г. — уже 27,8 лет. Также существенно

[40] The Asahi Shimbun Japan Almanac. — Tokyo, 2006. — P. 223.
[41] Правительственный прогноз // The Daily Yomiuri. — 02.09.2001.
[42] Jetro Reports and Statistics // Japan External Trade Organization / URL: www.jetro.go.jp

увеличилась сама доля незамужних женщин в возрасте от 25 до 29 лет. За последние 50 лет количество женщин, которые окончили колледжи выросло в 5,5 раз, а университеты — в 7,7 раз[43].

Всё меньше женщин также решается рано заводить детей: в 1970 г. средний возраст рожениц равнялся 25,6 годам, а в 2002 г. — уже 28,3 годам[44]. Кроме того, по результатам опросов, 52% женщин не считали необходимым бросать работу после рождения ребенка и 37% высказывали желание вернуться к исполнению своих рабочих обязанностей при первой же возможности[45]. В 1986 г. был принят, а в 1999 г. дополнен Закон о равных возможностях найма, согласно которому женщинам гарантировались не только равные с мужчинами возможности при найме на работу, но также их равноценная подготовка и переподготовка. Кроме того, закон предполагает получение определенных льгот и защищает женщин от сексуальных домогательств на рабочем месте.

Конечно, можно говорить о формировании своеобразного замкнутого круга: всё больше женщин работает и потому всё меньше женщин может позволить себе родить ребенка или, тем более, детей — в результате чего падает коэффициент фертильности. Впрочем, не улучшают демографическую ситуацию и такие объективные факторы как высокие расходы на детей вообще и их образование, цены на хорошую недвижимость и прочие комфортные условия для жизни[46].

Государство старается компенсировать трудности для женщин и молодых семей, постоянно совершенствуя законодательство об отпусках по уходу за детьми и предлагая различные социальные программы. К данному процессу подключаются и сами рабочие предприятия, которые стараются создавать условия, благоприятные для совмещения заботы о ребенке с работой. Многие японские организации инициируют собственные

---

[43] Нихон токэй нэнкан (Японский статистический ежегодник). — Токио, 2000. — С. 52.
[44] The Asahi Shimbun Japan Almanac. — Tokyo, 2004. — P. 9.
[45] The Asahi Shimbun Japan Almanac. — Tokyo, 2006. — P. 29.
[46] White Paper on National Lifestyle. — Tokyo. — 1998. — P. 38–39.

программы помощи, развивая службы дневного ухода за детьми, помогая уменьшать стоимость обучения детей, наконец, выплачивают дополнительные пособия. С 2005 г. правительство и ряд коммерческих организаций поддерживает кампанию поощрения мужчин, выражающих желание тоже взять отпуск по уходу за ребенком.

Ещё одним не самым очевидным резервом рабочей силы выступают пенсионеры, большинство из которых в связи с улучшением уровня жизни и эффективной системы здравоохранения остаются трудоспособны и с удовольствием продолжают свою профессиональную деятельность. В принципе, в Японии пенсионный возраст определен лишь для государственных предприятий и учреждений, то есть в частном секторе или, к примеру, в учебных заведениях никакого возрастного потолка не существует. В итоге ещё в 1996 г. в результате специального обследования было установлено, что 43,8% японцев старше 60 лет продолжают работать по своей специальности, либо даже осваивают новые профессии. Для сравнения: в США процент занятых пенсионеров составляет 23%, в Германии — 7%, Южной Корее — 33%. Как японское правительство, так и непосредственно предпринимательство прекрасно осознают важность сохранения работоспособности данной группы граждан: также проводится множество законопроектов (например, Закон о стабилизации найма лиц пожилого возраста, принятый еще в 1971 г. и с тех пор постоянно дополняющийся) и частных начинаний, улучшающих условия труда и повышающих возможности пенсионеров в поиске работы. Создается целая полноценная система занятости для пенсионеров и полностью отменена система принудительного увольнения [47]. Предпринимаются серьёзные попытки создания новейшей техники и технологий, которые сумели бы облегчить пожилым людям работу, либо и вовсе сделать доступными многие виды деятельности, которые на сегодняшний день им не доверяют.

[47] Jetro Reports and Statistics // Japan External Trade Organization / URL: www.jetro.go.jp

Кроме того, безусловно, в том числе и ради экономии многие компании переводят часть производства в развивающие страны. «Однако в начале XXI в. началось возвращение производственных мощностей в Японию (этот процесс характерен и для других развитых стран) по ряду причин: повышение уровня заработной платы в азиатских странах, неразвитая инфраструктура и трудности в защите прав интеллектуальной собственности. Поэтому японские фирмы предпочитают производить конкурентоспособные новинки у себя дома»[48]. С. Б. Марканьян также замечает: «Рабочая сила наряду с капиталом и производительностью труда — одна из составляющих роста производства. Поэтому, чтобы сохранить его уровень в условиях ее сокращения, можно перейти от модели менее прибыльного массового производства к высокоприбыльной — выпускать продукцию превосходного качества, с высокой долей добавленной стоимости. По этому пути и идут японские предприниматели. Кроме того, повсеместно принимаются меры для перехода к трудосберегающим технологиям, в том числе и в повседневной жизни: внедряется автоматизация, робототехника и т. д., что должно повысить производительность и соответственно снизить трудозатраты»[49].

Однако, несмотря на все эти факторы, сегодня совершенно очевидно, что для стабильного развития Японии сегодня необходим приток иммигрантов. Так, ООН в результате подсчетов выявили, что к 2050 г. Япония должна принять 17 млн. мигрантов. По иным источникам, ей необходим приток в 400 тыс. иммигрантов каждый год. При этом, до сих пор, в сравнении с другими странами, Япония остается весьма моноэтнической. В 2004 г. в стране было 2 млн. иностранцев, или 1,55% от всего населения, либо, по другим данным, — свыше 6 млн. человек[50]. К примеру, в то же время в Великобритании — это число равнялось 3,8%, во Франции — 6,3%, а в Германии — 8,9%. Множество иностранцев — прежде всего, из Мьянмы и

[48] Маркарьян С. Б. Проблема иммиграции в контексте демографической ситуации // Япония, открытая миру / Рук. проекта Э. В. Молодякова. — М.: АИРО-XXI, 2007. — С. 232.
[49] Там же. С. 232–233.
[50] The Asahi Shimbun Japan Almanac. — Tokyo, 2006. — P. 11.

Турции, запрашивают статус беженцев. Однако с 1982 по 2004 гг. данный статус был признан только за 313 человек — в то время как обращений за ним было в 10 раз больше[51].

1.2. Исторический и общественно- политический контекст осуществления миграционной политики

Как известно, историю и характер развития Японии во многом предопределило её географическое положение, — прежде всего, её островная изолированность, а также характерный рельеф, представленный сочетанием гор, составляющих 75% суши и равнин, разделенных горными отрогами. Территориально близкое сосуществование весьма отличных друг от друга по своим природным условиям зон способствовало развитию довольно самодостаточных хозяйственно-культурных укладов жизни: связанных с морем (рыболовство, собирательство моллюсков и водорослей, выпаривание соли), с равнинами (земледелие, особенно — рисоводство) и с горами (охота, собирательство, лесоводство и др.). Однако данная самодостаточность также приводила к заметной изолированности отдельных регионов друг от друга: это особенно касается севера и юга Японии, разобщённость которых (в том числе физическая — в виду большой протяженности Японского архипелага) выливалась в серьёзные междоусобицы вплоть до XVI в.

Морской промысел, в частности, рыболовство развились в хозяйственный уклад, предполагавший оседлость и высокую концентрацию населения в отдельных местах страны. Как мы заметим далее, данная тенденция до сих пор остается актуальной, пусть ряд поддерживающих обстоятельств сегодня выражен иными причинами.

Впрочем, безусловно, ключевой причиной высокой концентрации населения в определенных центрах Японии является упомянутый выше географический факт — покрытия большей части страны горами.

[51] The Asahi Shimbun Japan Almanac. — Tokyo, 2006. — P. 90.

«Немногочисленные равнины (самая обширная из которых — Канто — занимает площадь 13 тыс. кв. км) и узкая прибрежная полоса — вот, собственно, и вся территория, на которой могли расселяться японцы, начиная с древности и до нынешних дней»[52].

Таким образом, уже в VIII в. число жителей первой столицы Японии — Нара — оценивается исследователями в 100–200 тыс. человек, в 1681 г. население Киото насчитывало 580 тыс. человек, а население Эдо, современного Токио, составляло более 1 млн. человек уже в XVIII в., делая его одним из крупнейших городов мира.

Интересным парадоксом Японии с точки зрения западной истории всегда являлось то, что государство, со всех сторон окруженное водой, никогда не занималось серьёзным развитием флота. Оказалась чужда Японии и идея географических открытий: все внешние связи страны были ограничены до XVI в. Китаем, Кореей и, совсем немного, Индией. Ученые во многом связывают с данной категорической закрытостью страны особенности консервативного стиля жизни и менталитета японцев, который выражается в их глубоком убеждении в особом пути страны и её культуры.

Потому первое открытие страны восходящего солнца европейцами оказалось серьёзным культурным шоком для японцев. Безусловно, сегодня это звучит невероятно, но только тогда, впервые за несколько тысяч лет существования, в Японии узнали о наличии в мире каких-либо других стран кроме Кара (Китай) и Тэндзику (Индия). И не одной-двух, а, по сути, всего остального многообразия земного шара. Конечно, прежде всего, японцев поразило существование огромной развитой западной цивилизации со всеми её достижениями и открытиями. Огромное количество предметов быта активно вошло в употребление, были заимствованы предметы вроде огнестрельного оружия, часов, очков и др.

[52] История Японии: В 2 т. / Ред. А. Е. Жуков. — Т. 1. — М.: Институт востоковедения РАН, 1998. — С. 11.

Однако, пожалуй, более значительно было проникновение христианства. Проповедь любви, милосердия и единого абсолютного Бога оказалась близка простому населению Японии и современные исследования показывают, что широкие массы стали переходить в католичество (так как миссионеры были португальские). Такое растущее влияние иноземных институтов на собственных подданных, конечно, не могло не смущать власти. Кроме того, деятельность европейцев, разумеется, не ограничивалась невинным миссионерством: они также активно снабжали оружием различные феодальные кланы Японии и — весьма умышленно — способствовали обострению внутренних междоусобиц. Сёгунат очень скоро сумел осознать колонизаторские устремления западных держав и представить себе методы, которыми они могли бы воспользоваться. Вскоре был принят курс на строгий запрет христианства, кульминационным моментом которого стало принятие «указа о закрытии страны» 1639 г., когда сёгун Токугава Иэмицу провозгласил, что португальские, испанские и прочие европейские суда более не будут заходить в японские порты.

Политика национальной самоизоляции, или сакоку продолжалась в течение 220 лет. Внешняя торговля поддерживалась только с голландцами и китайцами и велась исключительно в Нагасаки под строгим государственным контролем и государственной же монополией.

Насильное же «открытие» Японии в 1853 г. под давлением военной мощи Европы и США, символом которой выступили «черные суда» эскадры Перри, а также дальнейшее «обновление Мэйдзи» сегодня принято считать началом периода становления современного государства.

Как известно, поначалу Перри угрозами добился подписания Канагавского соглашения, по которому Япония шла на ряд уступок. Интересными для нас являются открытие для международной торговли двух новых портов — Симода и Хакодате, а также гарантия свободы передвижения для временных иностранных жителей в данных договорных

портах (пусть и с ограничениями)[53]. Кроме того, в Симоде открывалось американское консульство, и США обещалось торговое преимущество перед другими иностранными государствами. Также Япония обязалась помогать американским морякам, потерпевшим кораблекрушение вместо того, чтобы подвергать их тюремному заключению и любому жестокому обращению.

Последующий договор «о дружбе и торговле» или договор Харриса устанавливал открытие портов Канагава и Нагасаки и давал разрешение гражданам Соединенных Штатов на постоянное проживание на территории договорных портов, иметь право арендовать землю и приобретать здания на ней, а также возможность возводить жилые дома и склады. Помимо этого, им предоставлялось право на свободу выражения религиозных убеждений и строительство церквей, и главное — предусматривалось обязательное подчинение иностранных резидентов законам их собственных консульских судов вместо соблюдения японской правовой системы.

Похожие соглашения были подписаны примерно в это же время с Великобританией (Договор об англо-японской дружбе 1854 г.), Россией (Симодский трактат 1855 г., по которому Японии также пришлось уступить Курильские острова, в качестве обмена на торговый договор и установление дружеских отношений и Францией (Договор о дружбе и торговле между Францией и Японией 1858 г.). В общем результате выходило, что японское правительство практически лишилось контроля над внешней торговлей и просто возможности защиты национальных интересов.

Явно униженная позиция Японии и прямое покушение на её суверенитет, выражающиеся в требованиях Запада, существенно ослабили позиции правящего сёгуна и послужили катализатором движения Сонно Дзёи за возвращение политического значения Императорскому двору в Киото. Активное противодействие договорам императора Комэя в результате

53 From Washington: The Japanese Treaty-Its Advantages and Disadvantages-The President and Col. Rinney… // New York Times. — 1855. — October 18 / URL: https://www.nytimes.com/1855/10/18/archives/from-washingtin-the-japanese-treatyits-advantages-and.html.

сплотило вокруг него влиятельные силы Японии и привело к реставрации Мэйдзи, или, другими словами, смене самурайской системы правления сёгунов на прямое управление государством непосредственно императором Муцухито и избранным им правительством.

Европейские и американские взгляды стали широко проникать в Японию, формируя принципиально новые концепции культуры. Переосмыслялись сами понятия цивилизации и культуры: в 1875 г. писатель и философ Фукудзава Юкити написал книгу «Общие сведения о том, что такое цивилизация», в 1882 г. историк Тагути Укити переосмыслил весь японский опыт в книге «Краткая история цивилизации Японии», а в 1885 г. с той же идеей вышла «История цивилизации великой Японии» Мурота Мицуми. В общем, вся наука в Японии находилась под значительным влиянием западной идеологии позитивизма.

Правительство Мэйдзи сняло запрет на христианство и в общем активно способствовало широкой вестернизации, — в частности, были наняты сотни советников из западных стран, обладающих опытом в таких областях, как образование, горнодобывающая промышленность, банковское дело, право, военные дела и транспорт, чтобы реконструировать институты Японии[54]. Японцы приняли григорианский календарь, западную одежду и западные прически[55]. В рамках своего стремления к вестернизации правительство Мэйдзи с энтузиазмом спонсировало импорт западной науки, — прежде всего, медицинской. В 1893 году Китасато Шибасабуру основал Институт инфекционных заболеваний, который вскоре стал всемирно известным. Кроме того, внедрение европейских литературных стилей в Японии вызвало бум новых произведений прозы.

В то же время именно с этого периода, — особенно на рубеже веков — начала формироваться опасная националистическая идеология, открыто поддерживаемая монархией. Вопросы об особенностях японцев и их

[54] Henshall K. A History of Japan: From Stone Age to Superpower. — London: Palgrave Macmillan, 2012. — P. 84–85.
[55] Там же. P. 81.

культуры трактовались представителями данных взглядов с отчетливым расистским и милитаристским уклоном.

Возвращаясь к вопросу миграции, следует заметить, что на момент прекращения системы договорных концессий в 1899 году, в Японии было создано семь иностранных поселений. Иностранные поселки находились в Хакодате, Хоккайдо Ниигата — в Ниигате, сразу несколько поселений было поселения в районе Токио Тюо, Цукидзи. Существовали поселения в округах Каннай и Ямате Йокогамы и в Кавагути, Ниши-ку, Осака. Одними из наиболее процветающих были иностранные поселения в Кобе, Хиого и в Оуре, Нагасаки. Последнее оставалось важным центром западной жизни в Японии вплоть до начала Второй мировой войны. В этом поселении впервые появились многие новинки для Японии: в том числе первый международный телеграф, а также первое использование паровоза «Железный герцог» на коротком пути в округе Оура[56].

Отметим, что практически до конца XIX в. население Японии четко делилось на три сословия: си (самураев, воинов), но (крестьян) и сими (горожан), среди которых, в свою очередь, выделялись ко (ремесленники) и сё (торговцы). Последние также стали самостоятельным сословием при сёгунате Токугава. Так или иначе, каждое сословие строго регулировалось гласными и негласными законами разной степени серьёзности. В том числе в области миграции — передвижений даже внутри страны.

Эта ситуация изменилось 11 февраля 1889 г., когда в торжественный День основания государства император представил первую в истории Японии конституцию. С ноября 1890 г. она вступила в силу. Её разработка заняла более восьми лет: возглавивший проект Ито Хиробуми (1841–1909) специально ездил и изучал опыт европейских стран и США, чтобы применить его как можно органичнее в Японии. В итоге основой для

[56] Cobbing A. The Japanese Discovery of Victorian Britain: Early Travel Encounters in the Far West. — Abingdon: Psychology Press, 1998. — P. 66.

конечного результата стала конституция Пруссии 1850 г., впрочем, японская конституция оказалась значительно консервативнее.

Для нас особый интерес представляет 2 глава о правах, свободах и обязанностях подданных императора. Так, в статьях 18–32 провозглашались такие положения как свобода выбора местожительства, свобода передвижения по стране и свобода от произвольных арестов. Также утверждалось равенство граждан в отношении доступа к государственным должностям, были обещаны такие демократические свободы, как свобода слова, печати, вероисповедания, петиций, общественных объединений. Гарантировалась неприкосновенность личности, жилища и собственности.

Впрочем, как отмечает Д. В. Стрельцов: «Указанные положения носили демократический характер. Однако все они сопровождались многочисленными оговорками и ограничениями, типа «за исключением случаев...», «в установленных законом пределах», «в пределах, совместимых с общественным спокойствием». Например, в ст. 28 говорилось: «Все японские подданные пользуются свободой вероисповедания в пределах, совместимых с общественным спокойствием и порядком, а также с их обязанностями как подданных». Кроме того, действие статей этой главы приостанавливалось в случае войны или национального бедствия. В статье 31 отмечалось, что положения о правах подданных «не могут препятствовать осуществлению тех полномочий, которыми располагает император во время войны или в случае национального бедствия. В целом первая конституция Японии определяла государственное устройство страны в качестве конституционной монархии со значительными элементами абсолютизма»[57].

Во многом конституция 1889 г. способствовала дальнейшему экономическому, политическому и социальному развитию Японии, в более привычном для страны виде — в том числе благодаря учету и сохранению в новейшем законодательстве черт, присущих и учитывающих традиции

[57] Политическая система современной Японии: Учеб. пособие для студентов вузов / Под ред. Д. В. Стрельцова. — М.: Аспект Пресс, 2013. — С. 44.

японского общества. Однако, «принципиальные противоречия, заложенные в конституции Мэйдзи, прежде всего серьезные ограничения полномочий парламента при фактической бесконтрольности со стороны законодательного органа правительства, бюрократии, военных кругов, способствовали в начале–середине XX в. созданию военно-бюрократического режима, который характеризовался преобладающим господством малоэффективного государственного регулирования в экономике, ограничениями гражданских прав и свобод и агрессивным внешнеполитическим курсом»[58].

Мы уже отмечали, что одновременно с вестернизацией в эпоху Мэйдзи формировалось чувство «национального единства, принадлежности к особой японской индивидуальности, которой присущ специфический этический кодекс, выведенный из идеализированной истории страны в целях формирования кокумин (граждан)»[59]. При этом в основе подобной трактовки японской гражданственности лежали требования «сохранения абсолютной национальной идентичности, охрана «японской специфики» в отношениях с иностранцами и этническими меньшинствами. Своеобразие японской идентичности обосновывалось происхождением от общих предков, наличием единого языка и специфического набора религиозных верований и культурных практик, которые отличают японцев не только от представителей Запада, но и от граждан других азиатских государств»[60].

Напомним, что после подписания акта о полной и безоговорочной капитуляции 2 сентября 1945 г. Япония оказалась, по сути, под американской военной оккупацией. Ключевую роль в проведении политики играло командование американских войск: главнокомандующий издавал обязательные для исполнения меморандумы и директивы и лишь затем направлял их японскому правительству для оформления от их имени —

---

[58] Там же. С. 45.

[59] Мак-Клейн Д. Л. Япония от сегуната Токугавы — в XXI век. — М., 2006 . — С. 861, 862.

[60] Васильева Т. А. Миграционное законодательство и миграционная политика Японии // Труды Института государства и права Российской академии наук. — 2010. — №3. — С. 186–187.

несмотря на то, что в Токио при этом действовал Союзный совет для Японии, созданный для того, чтобы, наоборот, консультировать главнокомандующего. Кроме того, в Вашингтоне существовала специальная Дальневосточная комиссия, которая, в свою очередь, полностью определяла политику касательно выполнения условий капитуляции.

Возможно, с этими годами абсолютной несамостоятельности Японии связан более строгий поворот национальной политики при достижении политической независимости.

Что касается истории вопроса миграции из Японии, то здесь можно выделить два основных направления: прежде всего, Бразилия и, в меньшей степени, Перу и Аргентина. Данная «государственная политическая эмиграция»[61], спонсировалась и поощрялась правительством Японии с целью ослабить демографическое давление внутри страны и «установить японский порядок» в японских колониях[62]. Хотя Бразилия была основной целью этой спонсируемой государством эмиграции, японским эмигрантам также было рекомендовано путешествовать и обосновываться в Маньчжурии и южных морях, особенно на Филиппинах. На Филиппины в 1920-х и 1930-х годах эмигрировало более 30 тыс. японцев, в Маньчжурию в 1930-х гг. — столько же. Впрочем, ни один из этих миграционных потоков не был столь успешным, как эмиграционный поток, направленный в Южную Америку. Японская эмиграция на Филиппины сократилась из-за тяжелых условий и болезней, а эмигранты в Маньчжурии, многие из которых были фермерами или членами японского «Молодежного добровольческого корпуса по развитию Маньчжурии и Монголии», пострадали или были потеряны во время вторжения Советской армии в конце Второй мировой войны (тогда погибли почти 200 тыс. японцев)[63].

В Перу японцы начали прибывать в конце 1800-х годов. Эта страна стала первой из латиноамериканских, принявших японскую иммиграцию.

[61] Tsuchida 1998: 100.
[62] Там же. С. 103.
[63] Там же. С. 110.

Многие факторы побудили японцев иммигрировать в Перу. Во-первых, в Японии распространился слух, что страна, называемая Перу где-то на противоположной стороне земли, была «полна золота». Кроме того, согласно объявлениям японских компаний по эмиграции, эта страна была раем с мягким климатом, богатой почвой для сельского хозяйства, привычными диетическими обычаями и отсутствием эпидемий[64]. Во время Первой китайско-японской войны экономическое состояние Японии было плохим; из-за этого их избыток квалифицированных фермеров начал искать работу в другом месте. Перу обеспечил новый рынок труда. Тем более, что после того, как население японских иммигрантов выросло, многие перуанские японцы начали открывать малые предприятия. К 1930 году 45 процентов всех японцев в Перу управляли малыми предприятиями в Лиме.

После нападения на Перл-Харбор в 1941 году Перу разорвало дипломатические отношения с Японией и началась усиленная социальная и правовая дискриминация по отношению к японо-перуанцам. Все учреждения японской общины были расформированы, публикации на японском языке запрещены, также как собрания численностью более трех человек. Японцам не разрешалось открывать бизнесы, а уже имеющиеся были вынуждены продать с аукциона. Вклады японцев в перуанских банках были заморожены К 1942 году японцам запретили даже арендовать землю. Была ограничена свобода передвижения за пределами их родных общин[65]. Эти драконовские меры стали результатом соглашений между министрами иностранных дел Аргентины, Бразилии, Чили, Мексики, Соединенных Штатов, Уругвая и Венесуэлы на встречах в Рио-де-Жанейро.

Конечно, после окончания войны преследование японцев в Перу прекратилось — более того, в 1990 г. президентом Перу впервые стал потомок японских иммигрантов, Альберто Фухимори. Однако множество японцев во второй половине XX в. предпочло вернуться на родину.

---

[64] Gardiner C. H. The Japanese and Peru: 1873-1973. — Albuquerque: University of New Mexico Press, 1975. — P. 33.
[65] Gardiner C. H. Op. cit. — P. 107.

В 1907 году правительства Бразилии и Японии подписали договор, разрешающий миграцию Японии в Бразилию. Это было отчасти связано с уменьшением итальянской иммиграции в Бразилию и новой нехваткой рабочей силы на кофейных плантациях. Первые японские иммигранты (790 человек — в основном фермеры) прибыли в Бразилию из южной части Окинавы. Многие из них стали владельцами кофейных плантаций. Уже за первые семь лет приехало еще 3434 японских семьи (14 983 человека). Начало Первой мировой войны положило начало буму японской миграции в Бразилию —в период с 1917 по 1940 гг. более 164 тыс. японцев прибыли в Бразилию, 75% из них отправились в Сан-Паулу, где находилось большинство кофейных плантаций.

Сегодня там проживает самое большое японское население за пределами Японии[66]. По данным IBGE, по состоянию на 2009 год в Бразилии насчитывалось около 1,6 миллиона человек японского происхождения, а по состоянию на 2014 год — чуть менее 1,5 миллиона. Именно в Бразилии наблюдается тенденция к межрасовым бракам, причем уровень расовых смешанных браков составляет приблизительно 50% и продолжает увеличиваться[67].

Языковой барьер, религия, пищевые привычки, одежда, образ жизни и различия в климате, безусловно, вызвали у японцев культурный шок. Многие иммигранты пытались вернуться в Японию, но им помешали бразильские фермеры, которые требовали от них соблюдения контракта и работы с кофе. За несколько лет до Второй мировой войны правительство президента Жетулиу Варгаса начало процесс насильственной ассимиляции людей иммигрантского происхождения в Бразилии. Конституция 1934 г. содержала правовое положение по этому вопросу: «Концентрация иммигрантов в любой

---

[66] Gonzalez D. Japanese-Brazilians: Straddling Two Cultures // Lens Blog. The New York Times: Lens Blog. — 25.09.2012 / URL: https://lens.blogs.nytimes.com/2013/09/25/japanese-brazilians-straddling-two-cultures/?partner=rss&emc=rss.

[67] Kestler-D'Amours J. Japanese Brazilians celebrate mixed heritage // Al Jazeera. — 17.06.2014 / URL: https://www.aljazeera.com/indepth/features/2014/06/japanese-brazilians-celebrate-mixed-heritage-201461795341638309.html.

точке страны запрещена, закон должен регулировать выбор, местонахождение и ассимиляцию иностранца»[68]. Ассимиляционный проект затрагивал в основном японских, итальянских, еврейских и немецких иммигрантов и их потомков. В общем, правительство стало активно выражать публично расистские настроения по отношению к азиатам.

В 1941 году бразильский министр юстиции Франсиско Кампос отстаивал запрет на въезд 400 японских иммигрантов в Сан-Паулу, японцев всячески преследовали и репрессировали. Во время Национального учредительного собрания 1946 года Рио-Мигель-Куто-Фильо предложил в поправках к Конституции запретить въезд японских иммигрантов любого возраста и любого происхождения. Всего лишь один решающий голос отклонил данное предложение. Японские иммигранты казались бразильскому правительству нежелательными и не ассимилируемыми иммигрантами. Будучи азиатами, они не способствовали процессу «отбеливания» бразильского народа, как того желала правящая бразильская элита. К 1980-м гг. бразильские японцы также стали массово возвращаться в Японию.

Необходимо добавить, что примерно в то же время в Японию стали прибывать на лодках беженцы из Вьетнама, Лаоса и Камбоджи. Правительство неожиданно отреагировало с пониманием: их не только пустили в страну, но также предоставили условия для социальной интеграции и сформировало специальные миссии помощи. Впрочем, сегодня это нередко объясняют вынужденной мерой, принятой под давлением США: первые беженцы начали появляться в 1975 г. в связи с падением Сайгонского правительства в Южном Вьетнаме.

[68] Masterson D. M., Sayaka Funada-Classen. The Japanese in Latin America: The Asian American Experience. — Urbana, Illinois: University of Illinois Press, 2004. — 126 p.

ГЛАВА 2. Социокультурное и правовое положение мигрантов в Японии.

2.1. Японское законодательство о миграциях и мигрантах

Современная миграционная система Японии начала формироваться после Второй мировой войны и принятия Конституции 1947 г., когда правительство взяло четкий курс на пересмотр национальной политики в области экономики и, в частности, отношения к миграции. Стремительное увеличение притока иностранцев и расширение сфер их деятельности потребовали выработки нового подхода к решению проблем, связанных с миграционными процессами.

Первые акты были приняты ещё в 1947 г. по рекомендациям Высшего командования союзных держав[69]. Данный Указ о регистрации иностранцев стал последним актом Императора, связанным с Конституцией 1889 г. Согласно нему, был запрещен въезд в страну новых иностранцев, а за теми, кто успел это сделать до принятия Указа, устанавливался строгий контроль. «Гражданам других государств предписывалось пройти регистрацию в муниципалитетах по месту их жительства и получить удостоверение о регистрации, которое надо было всегда носить с собой. О любых изменениях места проживания или характера деятельности иностранцы должны были уведомлять органы местного самоуправления»[70].

В 1951 г. был принят Закон об иммиграционном контроле №319, который предусматривал различные статусы пребывания, каждый из которых, в свою очередь, определял промежуток времени и характер деятельности, доступные иностранцу для легального пребывания. «Японская система контроля за пребыванием и трудоустройством иностранцев была разработана на основе американского опыта, однако эти две системы имеют определенные различия. В соответствии с американской моделью

---

[69] Hata H., Nakagawa G., Nakagawa T. Japan // International Encyclopaedia of Laws. Constitutional Law. Suppl. 20. The Hague, 1996. P. 171.

[70] Васильева Т. А. Указ. соч. С. 187.

иммиграционного контроля статус пребывания лица (иммигрант или неиммигрант) определяется на момент въезда в страну и не предполагает последующих изменений. В свою очередь японская модель иммиграционного контроля не предусматривает въезда в страну на постоянное жительство, однако допускает возможность изменения предоставленного статуса во время пребывания в ней»[71].

Изначально вопросами иммиграции занималось Министерство юстиции — сегодня ими ведает специальное Иммиграционное бюро внутри него.

Мы уже отмечали ранее, что до 80-х гг. XX в. Япония не сталкивалась с серьёзными проблемами, связанными с миграционными процессами. Трудовая миграция была запрещена законодательно с 1967 г.[72] Когда же Япония впервые столкнулась с дефицитом квалифицированных специалистов, были разработаны довольно строгие указания: в «Законе об иммиграционном контроле был предусмотрен статус квалифицированного рабочего. Его могли получить лица, которые работали по специальности не менее 10 лет, включая обучение в образовательных учреждениях соответствующего профиля (см.: Циркуляр Министерства юстиции от 24 мая 1990 г. №16). В соответствии с законодательством иностранные квалифицированные рабочие не могли получать меньшую заработную плату, чем их японские коллеги, имевшие аналогичную квалификацию»[73].

Именно в связи с данной позиции правительства предприниматели стали искать в миграционных законах лазейки, которые, в свою очередь, и отрыли двери для нелегальной миграции и несправедливого положения *nikkeijin* (японцев, проживающих за пределами Японии) и приезжих стажеров. Впрочем, меры для регуляции этих проблем постепенно принимаются: «В соответствии с Законом об иммиграционном контроле

---

[71] Hirowatari S. Foreigners and the «Foreigners Question» under Japanese Law // Annals of the Institute of Social Science. — 1993. — №35. — P. 112.
[72] Hosokawa K. Op. cit. P. 196.
[73] Васильева Т. А. Указ. соч. С. 197.

нелегальной работой считается занятость в сфере, не предусмотренной статусом пребывания, или деятельность, осуществляющаяся за вознаграждение и (или) связанная с получением иного дохода лицом, которое въехало в страну нелегально или осталось в ней сверх установленного срока пребывания (ч. 2 ст. 73-2). В Законе были заложены и механизмы предотвращения незаконной практики, в том числе, уголовная ответственность для тех, кто использует иностранную рабочую силу нелегально или содействует вовлечению иностранных граждан в незаконную трудовую деятельность (ч. 1 ст. 73)»[74].

В общем, в правовом отношении миграционные процессы сегодня регулирует принятый в 1951 г. «Закон об иммиграционном контроле и признании статуса беженца»[75] — безусловно, со множеством поздних правок. Пункт 2-й ст. 2-й закона определяет иностранца как любое лицо без японского гражданства, которое обязуется при пересечении границы иметь при себе паспорт и разрешение на въезд (Ч. 1. Ст. 3). При этом, «согласно позиции Министерства юстиции выдача разрешения зависит от цели и продолжительности пребывания, а также от того, насколько соответствующее лицо подходит для пребывания в Японии. Иностранному гражданину может быть отказано в разрешении на въезд по ряду оснований, в том числе и в связи с состоянием здоровья (наличие инфекционных заболеваний или психических расстройств), финансовым положением (отсутствие ресурсов, необходимых для проживания), привлечением к уголовной ответственности в Японии или за рубежом, применением ранее к данному лицу процедуры депортации (ст. 5)»[76].

Разнообразные статусы пребывания иностранцев перечислены в приложениях I и II к Закону (Ч. 1. Ст. 2-2). Сегодня их 28. Продолжительность нахождения в стране и виды разрешенной деятельности

---

[74] Васильева Т. А. Указ. соч. С. 199.

[75] Immigration Control and Refugee Recognition Act (Cabinet Order No. 319 of 1951). Latest Amendment: act No 30 of 2008 // URL: http://www.immi-moj.go.jp/english/newimmiact/pdf/RefugeeRecognitionAct01.pdf.

[76] Васильева Т. А. Указ. соч. С. 188.

также определяются данным статусом (Ч. 2. Ст. 2-2). Общий срок пребывания в стране ограничен для иностранцев тремя годами: исключение составляют только постоянные иностранные жители Японии и дипломаты, а также другие должностные представители иностранных государств и международных организаций (Ч. 3. Ст. 2-2). Срок можно продлить с разрешения Министерства юстиции, то же касается и смены разрешенного вида деятельности (Ст. 19–21). Вообще полномочия министра юстиции в принятии решений касательно мигрантов весьма широки: к нему можно обращаться с ходатайствами и добиваться определенных поблажек.

В 1952 г. был представлен Закон №125 «О регистрации иностранцев», действительный до сих пор (последние изменения внесены Законом №152 от 2004 г.)[77]. Согласно нему, «применительно к целям регистрационного учета иностранцем признается любое лицо, не имеющее японского гражданства, за исключением тех, кому было выдано разрешение на краткосрочное пребывание, в том числе в порту захода, транзитной посадки, в качестве члена экипажа, в связи с приземлением или заходом в порт из-за аварии или стихийного бедствия (Ч. 1. Ст. 2)»[78]. В случае множественного гражданства власти признают за лицом гражданство страны, паспорт которой был получен последним (Ч. 2. Ст. 2).

Регистрация иностранцев обязательна и срок её установления мэром города ограничивается 90 сутками после прибытия в Японию либо 60 сутками со времени приобретения статуса иностранца, в том случае, если правовое положение последнего изменилось (Ч. 1. Ст. 3). По истечении пяти лет иностранец обязан получить в местной администрации новый документ (Ч. 1. Ст. 11). Исключением являются иностранные граждане со статусом постоянного жителя: они обязаны продлевать удостоверение через семь лет.

Т. А. Васильева замечает: «Закон о регистрации иностранцев в оригинальной редакции предусматривал снятие отпечатков пальцев у тех

---

[77] Alien Registration Law. Law No 125 of 1952. Latest Amendment: Law No 152 of 2004 // URL: http://www.japaneselawtranslation.go.jp/law/detail/?id=36&vm=04&re=01.
[78] Васильева Т. А. Указ. соч. С. 192.

иностранцев, чей срок пребывания на территории страны превышал один год. Отказ от прохождения этой процедуры влек наказание в виде лишения свободы на срок до одного года и штраф в размере 30 тыс. иен. Впоследствии в Закон были внесены существенные изменения. С 1982 г. стали снимать отпечаток только левого указательного пальца. С 1987 г. дактилоскопия стала проводиться во время первичной регистрации, однако Правительство могло потребовать повторного прохождения этой процедуры» [79]. Обязательная процедура дактилоскопии была отменена для иностранных граждан со статусом постоянных жителей в 1993 г.[80]

В 1989 г. правительство пришло к идее создания плановой основы осуществления миграционной политики. Поправки в Законе об иммиграционном контроле и признании статуса беженца обязали министра юстиции разработать данные планы.

Первый из них был составлен в 1992 г. и содержал указания по контролю миграции, прежде всего, направленному на уменьшение темпов и численности приема иностранцев. План указывал, что первой задачей сохранения социального порядка должен стать тщательный отбор потенциальных мигрантов и отсеивание нежелательных лиц — прежде всего, нелегалов. Второй Основной план 2000 г. продолжил данное направление: «Разработчики плана исходили из того, что широкое привлечение иностранной рабочей силы не реалистично в свете особенностей японского общества и представлений населения о данном обществе и его культуре. В связи с этим перед органам государственной власти была поставлена задача — определить, в каких сферах деятельности прием иностранцев является допустимым и целесообразным, какой квалификацией и каким опытом должны обладать граждане других государств для гармоничного проживания в стране, какие социальные условия им необходимо обеспечить для

[79] Васильева Т. А. Указ. соч. С. 194.
[80] Hata H., Nakagawa G., Nakagawa T. Op. cit. P. 175.

предотвращения социальных трений»[81]. Третий Основной план, принятый в 2005 г. подробно разбирал возможности обеспечения больших доступности и комфорта для проживания высококвалифицированных иностранных специалистов, полезных для развития страны. Борьба с нелегальной миграции также стала важной составляющей документа.

Отметим также, что правительство Японии в настоящее время разрешает гражданам 68 стран совершать поездки в Японию для туризма или бизнеса без необходимости получения визы[82]. Интересно заметить, что среди них весьма мало государств Азии, граждане двух из которых — Таиланда и Брунея — ограничены сроком пребывания в 15 дней. По сути, совершенно свободный въезд в страну открыт для граждан Южной Кореи и Сингапура. Остальные пять стран — с оговорками.

Что касается проблемы беженцев, то для решения вопросов их приема и социальной интеграции были организованы специальные структуры — такие как, например, Координационный совет по индокитайским беженцам и перемещенным лицам в 1979 г. В 1981 г. Япония присоединилась к Конвенции ООН о статусе беженцев, из-за чего Закон об иммиграционном контроле был переименован в Закон об иммиграционном контроле и признании статуса беженца. Вопросами предоставления статуса беженца, выдачи удостоверений и проездных документов также ведает министр юстиции. Для соответствующего запроса к нему нужно обратиться в течение 60 дней после въезда в страну (Ч. 2. Ст. 62-2). В общем, считается, что Япония предоставляет убежище весьма неохотно, но, опять же, министр юстиции наделен специальными полномочиями отменять депортацию и давать разрешение на нахождение в стране по гуманитарным основаниям лицам, получившим отказ в статусе беженца (Ст. 50).

Правовая база иммиграционной политики Японии представлена рядом законов, рассмотренных нами ранее. Следует на них остановиться, хотя бы

---

[81] Васильева Т. А. Указ. соч. С. 195.

[82] Exemption of Visa (Short-Term Stay) // Ministry of Foreign Affairs of Japan. — 01.07.2017 / URL: https://www.mofa.go.jp/j_info/visit/visa/short/novisa.html#notice01.

коротко: в 1951 г. был принят Акт об иммиграционном контроле, в 1979 г. ратифицирована Международная конвенция о правах человека, в 1981 г. страна присоединилась к Конвенции ООН о статусе беженца от 1951 г. и в 1982 г. акцептовала связанный с нею Протокол о статусе беженца от 1967 г., что потребовало частичного пересмотра ее собственного законодательства. Также 1 января 1982 г. вступил в силу Акт об иммиграционном контроле и идентификации беженцев, обновленный в 1989 г.: согласно этому документу, пересматривалась система присвоения статусов иностранцам, облегчающая въезд в Японию высококвалифицированным работникам и ограничивающая поток трудовых, особенно нелегальных, мигрантов. Закон о регистрации иностранцев 1999 г. предложил «специальное разрешение на высадку» для кратковременных посетителей — моряков, пилотов, транзитных пассажиров, беженцев и др. Таким образом, они получили возможность посещения достопримечательностей и экскурсий по местности, а также были защищены в случае чрезвычайных обстоятельств или необходимости предоставления убежища. Уже в 2000 г. это «специальное разрешение» получили 2,11 млн. иностранцев.

Напомним, что иностранные граждане могут осуществлять лишь ту деятельность, которая соответствует их статусу пребывания. Однако они также имеют право на смену данного статуса: для этого нужно сделать запрос в одно из региональных иммиграционных бюро Министерства юстиции — в Сэндае, Токио, Иокогаме, Нагое, Осаке, Кобэ, Хиросиме, или Фукуоке. При этом, «нельзя непосредственно изменить только статус «временного посетителя» (туристы и прочие), для этого нужно выехать за границу Японии и оттуда добиваться получения статуса. Хотя сроки пребывания и ограничены, разрешена перерегистрация на новый срок»[83].

Японские иммиграционные службы известны своей строгостью: «в 2000 г. из 45 145 иностранцев за просроченное пребывание были депортированы 36 019 чел., за деятельность, не предусмотренную статусом,

[83] Анисимцев Н. В. Указ. соч. С. 48.

— 469 чел., въезд без паспортов или по поддельным паспортам — 7 872 чел., незаконную высадку (без разрешения, но с действительным паспортом) — 664 чел., уголовные и административные нарушения — 121 чел.»[84]

С притоком иностранных граждан в Японию, как и во многих других странах, повышается преступность. Всего за 1999 г. было зарегистрировано 25 135 преступлений, совершенных мигрантами, из них к уголовной ответственности было привлечено 5 963 чел. — причем большая часть из них — азиаты. Так, 46% преступлений в 1999 г. было совершено выходцами из Китая, 10% — Кореи, 6% — Вьетнама[85]. Известно также, что они объединяются по национальному признаку в особо опасные преступные группировки.

Из иностранных граждан, проживающих в Японии довольно продолжительное время, явно выделяется в правовом аспекте три категории: постоянные резиденты, беженцы и трудовые мигранты. При этом, численность первых никогда не достигала более 1% населения страны. По сути, только этот статус открывает возможности для независимого выбора профессиональной деятельности на территории страны и обязывает лишь проходить периодическую перерегистрацию.

Однако «японские власти всегда проводили политику ограничения в предоставлении статуса постоянного резидента (и, тем более — гражданина). Согласно административной практике, введенной с 1998 г., для получения права на постоянное проживание необходимо непрерывно находиться в Японии 10 лет, для беженцев — 5 лет, для детей от межнационального брака японского гражданина — 1 год. Для принятия решения о предоставлении статуса постоянного резидента также необходимы либо родственные отношения с японским гражданином (супруг, ребенок), либо решение минюста, что постоянное проживание данного лица в Японии «будет

---

[84] Там же.
[85] The Asahi Shimbun Japan Almanac. — Tokyo, 2002. — P. 235.

соответствовать интересам Японии», что претендент обладает «хорошим характером» и средствами для независимого существования»[86].

Ещё более эфемерной представляется вероятность стать гражданином Японии. За всю вторую половину XX века в Японии сумело натурализоваться около 330 тыс. человек. В 1990 г. число иностранцев, получивших гражданство составило 6 794 человек. Из них 5 216 являлись корейцами и 1 349 — китайцами. Впрочем, уже через год новоизбранными японцами стали 15 812 человек: с 9 842 и 5 245 корейцами и китайцами, соответственно[87].

2. 2. Отношение японского общества к мигрантам

Иммиграция и интеграция иммигрантов — новые проблемы для Японии. До относительно недавнего времени у Японии было очень мало опыта относительно регулирования въезда и расселения иностранных граждан. Япония действительно никогда не была и до сих пор не выдает себя за «страну иммиграции». Попытка одного японского ученого идентифицировать значительные «волны иммиграции» в истории Японии находит только три примера. Эти «волны» включают поселение корейских художников и интеллектуалов VIII века, ходатайство о предоставлении убежища небольшому числу известных китайских семей в середине 1600-х годов и принудительную иммиграцию корейцев и китайцев в качестве рабочих во время Второй мировой войны[88]. Очевидно, что иммиграция сыграла незначительную роль в долгой истории Японии. Жесткие ограничения Японии в отношении иммиграции, а также обусловленное культурой недоверие к чужеземцам сделали ее на протяжении большей части ее современной истории менее желательным местом назначения для

---

[86] Анисимцев Н. В. Указ. соч. С. 49.
[87] Там же.
[88] Koshiro Kazutoshi. Does Japan Need Immigrants? // Temporary Workers or Future Citizens? Japanese and U.S. Migration Policies / Eds. M. Weiner, Tadashi Hanami. — New York: Macmillan, 1998. — P. 151–176.

потенциальных трудовых мигрантов, чем более приемлемые и доступные промышленные демократии Запада. Эта модель изменилась в 1980-х годах с огромным ростом японской экономики и последующим спросом на рабочую силу.

Этническая и культурная однородность эффективно содействовала экономическому успеху Японии, низкому уровню преступности и всей социальной структуре страны — она же играет решающую роль в определении национальной идентичности Японии. Роль расы и этнической принадлежности постоянно подчеркивается правительством и различными исследователями как неотъемлемая в определении японской нации.

«The line between *uchi* and *soto* — between «inside» and «outside» — was clear. A person was by race, language, culture, and nation either fully Japanese or not a Japanese at all. <…> The Japanese pride themselves on the «purity» of their blood» («Граница между *uchi* и *soto* — между «здесь» и «там» — была четкой. Человек либо был по расе, языку, культуре и нации полностью японцем, либо совсем не был японцем. <…> Японцы гордятся чистотой своей крови»)[89]. Н. Е. Ковригин, обращаясь в своей работе о китайской миграции к проблемной идее «гомогенности» японской нации, замечает: «Даже среди самих японцев существуют группы, дискриминируемые по разным основаниям. Например, так называемые «парии», потомки бывших «эта́», ныне именуемые «буракумин», т. е. люди из особых поселений, подвергаются дискриминации, а точнее даже отторгаются большинством, именно вследствие своего происхождения и низкого социального статуса. С другой стороны, японцы, пережившие атомные бомбардировки, и их потомки, именуемые «хибакуся», считаются генетически нечистыми. При этом и те, и другие являются японцами, как в культурном, так и в этническом плане»[90].

---

[89] Reischauer E. O., Jansen M. B. The Japanese Today: Change and Continuity. — Cambridge, Massachusetts: Belknap Press, 1995. — P. 396.
[90] Ковригин Н. Е. Указ. соч. С. 19.

Мы уже указывали ранее, что японская национальная идентичность, построенная вокруг понятия расовой чистоты и культурной целостности, возникла отчасти из-за географической изоляции Японии как островной нации и отчасти из-за сознательных политических усилий по созданию мифологии чисто этнической нации. В 1970–1980е гг. была выработана целая теория об уникальности японской нации — нихондзинрон, об этом вышло множество книг, выражающих данные идеи.

Этническая принадлежность, язык и культура являются краеугольными камнями японской самооценки и национальной идентичности. Эта модель национальной идентичности соответствует японскому образцу противодействия проблеме иммиграции, которая по определению является допуском «посторонних». В целом Япония враждебно относится к идее иммиграции, проявляя отвращение и нежелание принимать иностранцев. Эта модель, в основном отрицание тех, кто находится вне этического национального сообщества, отражает модели социальной организации Японии, которые были определены японским культурным антропологом Чи Накане: «When the consciousness of «our place» («us») and «other place» («them») is strong, and as the feeling becomes acute, there develops within the society such extreme contrasts in human relations that it seems as if anyone other than «our people» is no longer considered to be human» («Когда осознание «нашего места» («нас») и «другого места» («их») сильно, то стоит этому чувству обостриться, как в обществе развивается такой крайний контраст в человеческих отношениях, что кажется, будто любой другой, кроме «наших людей» больше не считается человеческим существом»)[91].

Н. В. Анисимцев, научный сотрудник Центра исследований Японии Института Дальнего Востока РАН, также приводит свидетельства американских граждан, продолжительно находившихся в Японии: «Любой иностранец, живший в Японии долго, может подтвердить, что это не важно, сколь бегло вы говорите по-японски, или сколь хорошо умеете держаться по-

[91] Nakane Chie. Japanese Society. — Berkeley: University of California Press, 1972. — P. 21.

японски и изучили их культуру, если вы антропологически не японец, вы не считаетесь японцем», «чем более усердно и компетентно иностранец хочет ассимилироваться с японским обществом, тем более жестко общество отвергает его», японское понимание гражданства «практически идентично концепции расовой чистоты»[92].

Проблема увеличивающегося притока иностранных работников породила в Японии два лагеря: *sakoku (сакоку)* и *kaikoku (кайкоку)*. Первые настаивают на концепции «чистой крови» и пугают японцев межрасовыми браками, которые непременно приведут к утрате традиционных ценностей. Кроме того, они аргументируют свою позицию вероятностью сегментации рынка: занятые на низко-статусных работах, приезжие работники будут объединяться в «этнические гетто», из-за чего японские города будут становится более опасными для проживания. Сакоку полностью отвергают идею интеграции иммигрантов, настаивая на том, что японское общество неспособно к гармоничному принятию иностранцев и потому все национальные меньшинства обязательно будут изолированы. Другое предсказание лагеря сакоку состоит в том, что либерализация иммиграционной политики будет способствовать нарушению правопорядка в Японии: они считают, что японская правовая система не оборудована для арестов и какого-либо судебного преследования иностранцев[93].

Лучшей альтернативой миграции, по их мнению, является автоматизация промышленности и применение роботизированных технологий для оптимизации операций и снижения зависимости от рабочей силы.

Однако кайкоку, находящиеся на другой стороне дебатов, убеждены, что закрытие Японии не только нежелательно, но и невозможно в современном мире. Сторонники кайкоку считают, что Япония должна быть открыта, но также соглашаются с сакоку по нескольким пунктам. Во-первых,

---

[92] Анисимцев Н. В. Указ. соч. С. 49.

[93] Brody B. T. Opening the door: Immigration, thnicity, and globalization in Japan. — New York; London: Routledge, 2002. — P. 49.

они признают реальность открытой «задней двери» для нелегальной иммиграции, однако, в то же время, концентрируют внимание на следующей проблеме — на том, что нелегальные иммигранты уязвимы для эксплуатации и нарушений прав человека[94].

Сторонники кайкоку считают, что Япония должна взять на себя определенную ответственность за благополучие своего «подпольного» населения. Ученые вместе со многими журналистами, поддерживающими позицию кайкоку, не раз заявляли, что сохранение официального запрета на неквалифицированную рабочую силу, при повсеместном позволении предпринимателей так вопиюще ими пренебрегать, — это пример ужасного лицемерия властей. В частности, они осудили неспособность правительства ратифицировать Международную конвенцию Организации Объединенных Наций о защите прав всех трудовых мигрантов и их семей[95]. Этот договор, отклоненный японским правительством из-за его коллизии с юридическим ограничением на иностранную неквалифицированную рабочую силу, защитил бы иностранных рабочих в Японии от эксплуатации со стороны брокеров и работодателей, а также обеспечил бы основные права человека работникам и их семьям. Сторонники кайкоку рассматривали отказ правительства от защиты этих прав как безответственную позицию, как на международном, так и на внутреннем уровне — с одной стороны, это вредит репутации Японии на международной арене. С другой — её же собственному развитию. Наступление глобализации и экономической взаимозависимости ознаменовало конец эпохи изолированных национальных государств и четких границ. Кайкоку уверены, что эти процессы уже изменили и преобразовали Японию — отстает только официальная политика[96].

Итак, реальность давно опередила дебаты о возможности или невозможности развития мультикультурной Японии. Игнорируя фактическое

---

[94] Spencer S. A. Illegal migrant laborers in Japan // International Migration Review. — 1992. — №26(3). — P. 765.
[95] Brody B. T. Opening the door… Op. cit. P. 51.
[96] Shimada Haruo. Handling the Influx of Foreign Workers // Japan Echo. — 1989. — Vol. 16. — №1. — P. 28.

присутствие иностранных работников в Японии и сосредоточив дебаты на гипотетических вопросах реформы иммиграционной политики, сторонники сакоку рискуют создать социальный конфликт в Японии. Другими словами, сторонники кайкоку согласились с тем, что иммиграция и разнородность уже прибыли в Японию: хорошо ли это, или нет — уже неважно. Главное — что следующий соответствующий шаг должен повлечь за собой внесение институциональных корректировок в эту новую реальность с целью предотвращения социальных проблем и конфликтов.

Можно отметить, что в Японии со временем все больше делается для благоустройства постоянных резидентов: «В последнее десятилетие были популярны дискуссии на тему «мультикультурного симбиоза», в частности, о возможности для этнических бразильцев, испанцев, китайцев получать образование на родном языке. С 1990 г. ведутся дискуссии о предоставлении права постоянным резидентам участвовать в выборах местных органов власти. Уже половина местных правительств (1 400 чел.) поддержала изменение закона о выборах в местные органы власти. Многие муниципалитеты принимают иностранцев на службу, хотя на руководящие должности они не допускаются. Создаются «международные ассоциации» для налаживания сотрудничества с иностранцами»[97].

[97] Анисимцев Н. В. Иммиграционная политика Японии… Указ. соч. С. 49.

2.3. Положение мигрантов из разных стран в Японии

По состоянию на 2003 г. в Японии наибольшее число мигрантов было представлено корейцами (614 тыс. человек) и китайцами (462 тыс. человек). Это более половины всех мигрантов. В 2008 г. их соотношение сменилось в пользу китайцев. При этом, большая часть выходцев из Китая и Кореи присутствуют в Японии давно: часто даже с начала века и раньше. Потому их принято называть «старыми мигрантами». Многие из них вернулись из японских колоний, либо были насильно переселены в первой половине прошлого века.

В противовес им, «новыми» мигрантами считаются люди, переехавшие в Японию после войны. Это, прежде всего, бразильцы (275 тыс. человек) и филиппинцы (185 тыс.). Но также к ним относятся менее массовые переселения граждан Перу, США, Таиланда, Вьетнама, Индонезии и Великобритании[98]. Заметим, что уже в 1992 г. количество «новых мигрантов» оказалось значительно больше «старых». По подсчетам, в процентном отношении их доля в 1959 г. составляла 94%, в 1990 г. — 56%, а уже через восемь лет — 35%[99].

Среди наций, эмигрирующих в Японию выделяются, прежде всего, корейцы и китайцы. При этом, следует понимать, что вопрос присутствия в стране огромного количества выходцев из Кореи связан не только с миграционными процессами. В 1910 г. Корея была аннексирована Японией, и все её граждане автоматически стали японскими подданными. Впрочем, это совершенно не означало, что при въезде в страну Восходящего солнца они могли пользоваться правами и привилегиями японцев[100]. В 1925 г. им формально было даровано право голоса на выборах в представительские органы, однако со множеством ограничений, под которые попадала большая

---

[98] The Asahi Shimbun Japan Almanac. — Tokyo, 2004. — P. 43.
[99] Japan Immigration Association. — Tokyo, 1999. — P. 14.
[100] Wagner E. W. The Korean minority in Japan 1904–1950. — New York: Institute of pacific relations, 1951. — P. 9.

часть переехавших корейцев. По сути, они получили лишь «право на въезд и проживание в Японии в качестве «гастарбайтеров»[101], необходимость в которых резко возросла с началом Первой мировой войны. В итоге к 1920-м гг. целый ряд областей японской экономики обеспечивался практически полностью корейскими мигрантами. Разумеется, это была работа «грязная, опасная и тяжелая»: металлургические заводы, текстильные фабрики, шахты, рудники, судостроительные верфи и пр.

Отношения японцев к корейцам было крайне презрительным: их буквально рассматривали «как низшую расу»[102]. «Как само собой разумеющееся, воспринимался тот факт, что зарплата корейцев была всегда гораздо ниже оплаты труда японца, выполнявшего ту же самую работу в том же самом объеме»[103]. Статус чернорабочих прочно укрепился за корейцами, глубоко ощущавшими на себе все экономические и социальные проблемы Японии XX в.: именно они первыми попадали под сокращения, получали самую худшую работу, за которую не брался больше никто — прежде всего, на строительных проектах программ общественных работ.

Корейцев расселяли по специальным рабочим общежитиям, которые также выступали в качестве своеобразных бирж труда — хамба. «Специалисты по социально-экономической истории Японии отмечают, что хамба и её внутренняя иерархия (воспроизводившая средневековую японскую систему ояката) была основным паттерном организации рабочих в горнорудной и строительной отраслях в новое время. Аналогичная (полуколониальная) система торговли существовала в XVIII в. в регионах Британии — Южном Уэльсе, населенном валлийцами и Шотландии, где она были запрещена указом правительства Британии только в 1831 г.»[104]. Вдобавок к тяжелым условиям жизни и труда корейских рабочих еще и

---

[101] Гайкин В. А. Корейцы — трудовые мигранты в Японии (1914–1937 гг.) // Современная наука. — 2016. — №1. — С. 108.
[102] Mitchell R. H. The Korean minority in Japan. — Berkeley; Los Angeles: University of California Press, 1967. — P. 34.
[103] Гайкин В. А. Указ. соч. С. 109.
[104] Там же.

обманывали буквально на каждом шагу: хозяева хамба, субподрядчики и вся многозвенная система посредников умудрялась наживаться на их, и без того низких, зарплатах.

С ростом корейской диаспоры мигранты постепенно начали протестовать против эксплуатации. Принципиальные изменения принесла независимость Кореи, обретенная после капитуляции Японии и окончания Второй мировой войны. Несмотря на разделение Северной (с поддержкой Советского Союза) и Южной (с поддержкой США) Кореи в обеих политических системах началась ускоренная индустриализация. Многие корейские мигранты уехали из Японии. 23 октября 1946 г. был принят «Указ о восстановлении имени», который позволил корейцам в Японии вернуть свои имена, если они того пожелают. Отметим, что многие из них решили сохранить японские имена, чтобы избежать дискриминации, либо впоследствии в большей степени соответствовать требованиям натурализации в качестве граждан Японии[105].

Интересно заметить, что сегодня потомки корейских мигрантов начала века, в отличие, например, от китайских общин, культурно являются совершенными японцами. Многие из них даже не знают корейского языка. Однако их дискриминация по принципу «нечистой крови» продолжается. Конечно, масштабы дискриминации уже не те: сегодня корейцев защищает и помогает отстаивать свои права правительство Южной Кореи — важного союзника и экономического партнера Японии, которая вынуждена учитывать современную внешнеполитическую роль РК.

В последние десять лет особенно стремительно растет число мигрантов из Китая. Опуская долгую историю взаимоотношений Китая и Японии, уходящую за наше тысячелетие, мы внимательно рассмотрим миграционные процессы в XIX–XXI вв. Ограничиваясь данным периодом, можно говорить о том, что с 1842 г. Япония пережила две большие волны китайской

---

[105] Fukuoka Yasunori. Beyond Assimilation and Dissimilation: Diverse Resolutions to Identity Crises among Younger Generation Koreans in Japan // Saitama University Review. — Vol. 31. — №2 / URL: http://www.han.org/a/fukuoka96b.html#note1

миграции. Первая волна была связана с принятием цинским правительством Нанкинского договора, по которому Сянган превратился в британскую колонию, и для торговли были открыты порты Гуанчжоу, Сямынь (Амой), Фучжоу, Нинбо и Шанхай. Всё это подарило китайцам возможность свободно эмигрировать по миру. Прежде всего, из-за опиумных войн 1840–1842 гг. и 1856–1860 гг. множество китайцев устремилось из страны, — особенно массово после 1860 г., когда император официально снял запрет на выезд. Конечно, условия для формирования китайской общины были более благоприятны в Японии, чем в странах Старого и Нового Света. Вторая волна миграции началась в 1978 г., когда, фактически, Китайской Народной Республикой стал руководить Дэн Сяопин — тогда строгий социалистический и закрытый режим Мао Цзэдуна, действующий с 1949 г. сменился на «политику реформ и открытости», и из КНР с новой силой хлынули потоки мигрантов. Для данного периода, продолжающегося до сих пор, характерна определенная взаимовыгодность, одинаковая как для Японии, так и для Китая, так как современные миграционные процессы способствуют социально-экономическому развитию обеих стран.

До начала японо-китайской войны 1894–1895 гг. в Японию в основном мигрировали китайские коммерсанты. В это время они, по сути, способствовали формированию новой экономической политики Японии, контролируя практически всю торговлю страны как с Китаем, так и с Индией, Гавайями и др. Кроме того, они открывали японцам новейшие западные достижения в области промышленности и технологий. Китайцы очень быстро объединились в общины, в которых сумели организовать собственную систему взаимопомощи, банки и даже органы самоуправления, которые признавало японское правительство. Однако уже тогда стали намечаться первые проблемы в социальной адаптации китайских мигрантов: «Успехи Японии на пути модернизации, знакомство с внешним миром, разочарование в Цинской империи как источнике силы и культуры способствовало развитию у японцев чувства превосходства по отношению к

китайцам. В прессе и на высшем уровне ширилась дискуссия о том, есть ли необходимость в нахождении китайцев в Японии»[106]. Националистические и шовинистические настроения набрали особенную силу в период войн, и к началу XX в. японцы вытеснили китайских торговцев с их лидирующих позиций на рынке.

Впрочем, для рубежа веков оказался характерен академический приток в Японию студентов из Китая. Историк Д. Фэрбэнк отметил, что эта миграция только за первые десять лет XX в. оказалась на тот момент самой массовой среди студентов за всю мировую историю[107]. Известно, что японские элиты благожелательно воспринимали приезд и обучение студентов из Китая: они видели в этом воплощение миссии Японии, выступавшей теперь новым лидером Азии. Однако среди населения продолжало распространяться шовинистическое отношение к мигрантам. Это во многом способствовало тому, что студенты не стремились закрепиться в стране Восходящего солнца и планировали после учебы возвратиться домой, и с помощью японских дипломов сделать хорошую карьеру в Китае.

Другой категорией мигрантов из Китая и Кореи стали рабочие, дефицит которых временно проявился в годы Первой мировой войны. Японское правительство посчитало, что трудовая миграция из этих стран поддастся наилучшему контролю. Но увеличивающаяся численность китайской общины лишь усиливала негативное отношение к ним японцев. Нередки были прямые столкновения на предприятиях, инициируемые местными рабочими. С 1930-х гг., после нападения японских войск на Манчжурию, эмиграция китайцев резко сократилась, а вскоре и вовсе была приостановлена сверху. Многие китайцы успели уехать, что же касается

---

[106] Ковригин Н. Е. Китайская миграция в Японию: историческая ретроспектива и проблемы социальной адаптации мигрантов: автореферат дис. ... кандидата исторических наук: 07.00.03 / С.-Петерб. гос. ун-т. — СПб, 2010. — С. 14.
[107] Ковригин Н. Е. Указ. соч. С. 15.

оставшейся в Японии общины, то она, по сути, оказалась законсервирована на сорок последующих лет.

Миграция из Китая в Японию после 1978 г. была вновь представлена студентами — и в этот раз стимулировалась правительством КНР, озаботившимся культурной «интернационализацией» страны. Среди лиц, приезжающих в Японию по программах стажировок и на практику, также большую часть составляют китайцы. Вполне логично также заключить, что многие иммигранты из Китая находятся в стране в качестве нелегальных рабочих — это ключевая причина продолжающегося напряженного отношения к китайским мигрантам со стороны как простых японцев, так и правительства. К тому же, в японской прессе активно распространяется мнение о связи китайских общин с преступностью.

Между тем, в это же время, многие китайцы, окончившие местные университеты, сегодня начинают занимать более престижные позиции в крупных японских компаниях и, в общем, представлять из себя ценные для японской экономики кадры. Другими словами, они становятся теми самыми высококвалифицированными специалистами, которых с особенным гостеприимством ждет японское Министерство юстиции. Более того, если представители традиционной, «старой» общины первой волны миграции всегда рассматривали Японию как страну для временного проживания, современные китайцы приезжают в Японию для сознательного включения в местное общество на постоянной основе — многие из них ходатайствуют о получении гражданства и успешно натурализуются.

За годы до внесения в 1990 году поправки к «Закону об иммиграционном контроле и признании беженцев» в Японии присутствовало лишь небольшое количество латиноамериканских *nikkeijin*, которые являлись либо легально допущенными «квалифицированными» работниками, либо несанкционированными «неквалифицированными» работниками. Однако либерализация иммиграции *nikkei* и создание категории виз *teijū*, позволяющей *nikkeijin*, их супругам и детям въезжать, жить и работать в

Японии, способствовали росту миграции *nikkeijin* из Латинской Америки в Японию. Из латиноамериканских *nikkeijin*, пользующихся преимуществами новой иммиграционной политики, подавляющее большинство составляли португалоязычные японо-бразильцы, составляющие в среднем приблизительно девяносто процентов иммиграции латиноамериканских *nikkei* в Японию с 1990 года. В 2000 г. в Японии работало примерно 200 тыс. бразильцев (в 2008 — уже более 300 тыс.[108]) и 46 тыс. перуанцев. «Юридически эти люди прибывают в Японию для посещения родственников и приобщения к своей национальной культуре — такова официальная версия «гостеприимства». Но фактически их используют как неквалифицированную рабочую силу в промышленности»[109].

Поблажки 1990 г. в иммиграционном законодательстве заключаются в том, что правительство Японии разрешило легальный въезд японцев и их потомков до третьего поколения. В то время в Японию нелегально въехало большое количество граждан Пакистана, Бангладеш, Китая и Таиланда. Законодательство 1990 г. предназначалось для отбора иммигрантов, въехавших в Японию, отдавая предпочтение японским потомкам из Южной Америки, особенно из Бразилии. Эти люди были привлечены в Японию для работы в районах, от которых отказались японцы (так называемые «три К»: *Kitsui*, *Kitanai* и *Kiken* — тяжелые, грязные и опасные). Больше всего бразильцев в таких городах и префектурах как Хамамацу, Аити, Сидзуока, Канагава, Сайтама и Гунма.

Правительство Японии считало, что из-за своего японского происхождения бразильцам будет легче интегрироваться в японское общество. На самом деле, такой легкой интеграции не произошло, поскольку японские бразильцы и их дети, родившиеся в Японии, рассматриваются

---

[108] Brazilian immigration // The Asahi Shimbun. — 2.05.2008 / URL: https://web.archive.org/web/20080506061352/http://www.asahi.com/english/Herald-asahi/TKY200805030045.html.

[109] Анисимцев Н. В. Иммиграционная политика Японии: сохранение национальной идентичности в условиях глобализации // Вестник МГУ. — Серия 18: Социология и политология. — 2005. — №4. — С. 51.

коренными японцами, как иностранцы. Это кажущееся противоречие между теорией и практикой вызывает конфликты при адаптации мигрантов и их принятия местными жителями.

Большинство бразильцев едут в Японию, привлеченные рекрутинговыми агентствами (легальными или нелегальными) и в дальнейшем работают на японских автомобильных и электронных заводах. Многие бразильцы подвергаются часам изнурительной работы, получая небольшую по японским меркам зарплату.

Также многие японские бразильцы страдают от предрассудков, потому что не знают японского языка. Несмотря на свою японскую внешность, бразильцы в Японии культурно являются бразильцами и, как правило, говорят только на португальском языке[110]. Дети бразильцев сталкиваются с трудностями в японских школах и потому часто вообще не ходят в школу в Японии. Академические исследования сообщают, что многие японские бразильцы чувствуют себя в Японии (и с ними часто обращались) ничуть не лучше, чем в Бразилии. Переезжая в Японию, они чувствуют свое бразильское происхождение, а в Бразилии — японское. Получается замкнутый круг. Известно, что из-за финансового кризиса 2007–2010 гг. многие бразильцы вернулись из Японии обратно в Бразилию.

Ситуация с иммигрантами из Перу во многом повторяет этот сценарий, но осложняется ещё одним моментом. Уже в 1992 г. посол Перу в Японии официально заявил, что из 40 тыс. перуанцев, переехавших на тот момент в страну Восходящего солнца, только половина действительно имела японское происхождение. И причина заключалась не только в межрасовых браках: услышав о высокой заработной плате в Японии, многие перуанцы, не относящиеся к *nikkei*, стали активно использовать одну из трех стратегий для получения разрешений на работу — заключали фиктивные браки с nikkei,

---

[110] Onishi Norimitsu. An Enclave of Brazilians Is Testing Insular Japan // New York Times. — 01.11.2008 / URL: https://www.nytimes.com/2008/11/02/world/asia/02japan.html?scp=1&sq=enclave+of+brazilians&st=nyt.

становились приемным ребенком в семье nikkei, а то и вовсе покупали ложные или поддельные документы[111]. В результате в 1998 г. были приняты более строгие законы и многие фальшивые nikkei были депортированы. Стало требоваться больше документов, в частности, доказывающих японскую кровную линию заявителя.

Положение мигрантов в японском обществе прекрасно иллюстрирует пример возвращенцев из Южной Америки. После того как *nikkeijin* доказывает свое японское происхождение, он получает статус «супруг японца» или «долговременно проживающий». Эта виза должна периодически продлеваться, но она дает возможность работать без ограничения видов деятельности. Любые нежелательные иностранцы в миграционных службах зачисляются в категорию «неквалифицированный труд», а вот *nikkeijin*, независимо от реальной квалификации, часто формально зачисляется в категорию квалифицированного труда. В этом состоит главное двурушничество японских политиков.

С целью облегчить мигрантам из Южной Америки найм на работу и освободить их от эксплуатации со стороны посредников — брокерских контор по трудоустройству Министерство труда Японии учредило специализированные центры по найму *nikkeijin* в Токио и Нагое. Однако по факту они воспринимаются обществом как «гастарбайтеры», и их положение гораздо хуже, чем у японских рабочих.

Существует и морально-психологический дискомфорт: «Ввиду огромного своеобразия, закрытости японского общества и культуры, его «островной психологии» иностранцу психологически тяжело адаптироваться к японскому обществу. Многие иностранцы, проживающие в Японии, говорят о «дискриминации в отношении чернокожих, латинов, выходцев с запада азиатского этноса, и неяпонского происхождения азиатов. Даже белые

---

[111] Watkins M. Hikage no Nikkeijin (Japanese Descendants Under a Shadow). — Tokyo: Seiryuu-sha, 1994.

иностранцы подвергаются дискриминации»[112]. Анисимцев также приводит слова американского банковского служащего в Японии: «Пока вы не будете рождены в Японии родителями-японцами, вы никогда по-настоящему не войдете в их маленький клуб»[113].

Неудивительно, что многие nikkeijin не стремятся поселиться в Японии навсегда и рассматривают данные им иммиграционные поблажки лишь как возможность хорошо заработать на дальнейшую жизнь по возвращении домой. «Здесь очень хорошо работать, но это не место для жизни. Японский народ — холодный»[114], — признаются многие из них.

В 1993 г. при активной поддержке правительства в Японии появились программы стажировок и технической практики — TITP — для иностранцев. Поначалу власти рассматривали эту «боковую дверь» иммиграции в качестве средства «содействия развивающимся странам в подготовке специалистов путем передачи им технологий и производственных навыков»[115]. Между тем, предпринимателям очень скоро стало понятно, что приезжающих по данным программам студентов можно также использовать как дешевую рабочую силу. К сожалению, приобрели печальную известность как случаи эксплуатации приезжих стажеров и практикантов за низкую плату, так и прямые нарушения прав человека, когда брокерские конторы, подконтрольные «якудза» отбирали паспорта и присваивали себе заработанное.

В 1999 г. в Японию въехало около 56 тыс. иностранных студентов. Большая часть из них представлена выходцами из Китая, Южной Кореи, Тайваня и стран Юго-Восточной Азии. По закону они имеют право на работу, ограниченную 20 часами в неделю или четырьмя часами в день — по-японски «арубайто». Известно также, что часть данных студентов с самого начала приезжает, планируя работать и копить деньги вместо того,

---

[112] Анисимцев Н. В. Указ. соч. С. 52.
[113] Brockman T. The Job Hunter’s Guide to Japan. — Tokyo; New York; London: Kodansha International, 1990. — P. 12.
[114] Brockman T. Op. cit. P. 18.
[115] Анисимцев Н. В. Указ. соч. С. 52.

чтобы учиться. Так, многие брокерские агентства скрываются под видом «языковых школ» или различного рода курсов. Министерство юстиции старается бороться с этой проблемой, постоянно уточняет правила учебы и работы для студентов.

Еще одним масштабным каналом ввоза в страну дешевой рабочей силы стал статус «предприниматели»: «Это в основном певцы, танцоры, хостесс в барах и ночных клубах, «консумация» и т. п., главным образом, женщины. Их нередко эксплуатируют как проституток. Так, в 1991 г. «предпринимателей» прибыло примерно 90 тыс.; из них 57 тыс. — выходцы с Филиппин, почти все женщины; много их также из Таиланда. В 1994 г. 38% бар-хостесс в Японии были азиатскими иммигрантками (так называемые «дзяпа-юки-сан»). Общее число иностранцев-«предпринимателей» оценивалось в 2000 г. в 54 тыс. человек»[116].

Безусловно, одной из самых многочисленных категорий мигрантов являются нелегально работающие. По большей части они приезжают из Восточной и Юго-Восточной Азии: таких стран как, например, Иран или Непал. Чаще всего они попадают в страну по туристическим или студенческим визам, а затем нарушают режим, оставаясь в стране и работая без разрешения. Однако некоторые даже границу пересекают нелегально: к примеру, в 1994 г. было задержано 6 295 таких «перебежчиков», причем 697 из них пытались добраться в Японию на лодках.

Между тем, когда был разрешен въезд *nikkeijin,* и они стали массово прибывать в Японию — легально — спрос на труд нелегальных мигрантов резко упал. Если ранее они могли задействоваться в довольно высокооплачиваемых областей, таких как строительство или промышленность, то с 1990-х гг. нелегалам приходиться переместиться в низкооплачиваемый сервис и соглашаться на всё более худшие и опасные условия труда и социальной защищенности. В результате многие нелегальные трудовые мигранты предпочитают уезжать из Японии. К

[116] Анисимцев Н. В. Указ. соч. С. 53.

примеру, за период с 1992 г. по 2001 г. их число сократилось с 40 тыс. до 5 тыс., соответственно[117].

Конечно, в целях снижения уязвимости трудовых мигрантов — как легальных, так и нарушающих режим — в Японии должны начать регулироваться центральным правительством Хакен Гайша (посреднические брокерские компании). Хотя данная система косвенной занятости может обеспечить наиболее эффективный и экономически выгодный способ поставки неквалифицированной рабочей силы в японскую промышленность, она стала серьезным препятствием для интеграции этой группы. Чтобы улучшить эту ситуацию, правительство Японии должно нести ответственность за справедливую оплату труда своих иностранных работников и за участие в программах компенсации и медицинского страхования на рабочих местах в Японии. Нарушающие компании должны быть ограничены от дальнейшего трудоустройства иностранных работников.

Обязательно принятие политики против дискриминации трудовых мигрантов на рынке жилья. Ограничение представителей этой группы определенными районами и типами жилья способствовало их изоляции, формированию своеобразных «гетто» и, следовательно, неспособности плавно интегрироваться в японское общество. Чтобы исправить эту проблему и облегчить интеграцию, должны быть приняты законы, гарантирующие равное обращение с иностранцами: права иностранцев должны быть активно защищены законом.

При этом, во избежание локальных конфликтов между коренными жителями и мигрантами, и японские и иностранные нарушители местных правил — таких как время и порядок вывоза бытового мусора или правила парковки — должны постоянно наказываться, во всех случаях. Четкое применение штрафов и прочих административных наказаний за такие нарушения должно заменить неисполнение нарушений местной политики. Продолжающееся неисполнение способствует не только напряжению между

---

[117] Анисимцев Н. В. Указ. соч. С. 53.

разнородными соседями, но также усилению негативного имиджа иностранцев во всем японском обществе[118].

2.4. Проблемы адаптации мигрантов в японском обществе

Интеграция иммигрантов является критически важной областью изучения в свете результатов исследований потоков иммигрантов и тенденций к увеличению времени их постоянного проживания. Если эти закономерности являются результатом динамики экономической глобализации и изменения международного режима прав человека, вызовы, с которыми они сталкиваются, вряд ли со временем исчезнут. Скорее всего, коренное население и иммигранты будут вынуждены сосуществовать. Насколько плавно происходит это сосуществование, во многом зависит от интегративной или поглощающей стратегии и возможностей принимающих государств. Ученые международной миграции ссылаются на врожденные противоречия политики ввоза рабочей силы без каких-либо институциональных положений для интеграции иммигрантов [119]. В тематических исследованиях опыта различных европейских стран в сфере труда иммигрантов подчеркивается несоответствие между политическим замыслом и практическими результатами: хотя европейская политика в сфере гостевого труда мигрантов 1970-х годов была направлена на то, чтобы подчеркнуть временный характер трудовой миграции путем ротации и внезапной остановки потока мигрантов, эта политика фактически способствовала их переселению на постоянное место жительства.

Исследование конкретных результатов различных национальных мер реагирования на трудовую иммиграцию дало некоторое представление об

---

[118] Brody B. T. Opening the door: Immigration, thnicity, and globalization in Japan. — New York; London: Routledge, 2002. — P. 121–122.
[119] Brody B. T. Op. cit. P. 38.

общих «детерминантах интеграции иммигрантов»[120]. Очевидно, что государственная политика в сфере миграции играет большую роль в определении степени и характера взаимодействия и интеграции иммигрантов в принимающее общество. Некий «социальный договор» между режимами и мигрантами, как с точки зрения правил въезда, так и правил членства, задает тон всему интеграционному процессу и играет ключевую роль в успехе или провале этого процесса.

Процесс интеграции иммигрантов, по-видимому, следует одному из нескольких шаблонов. Каждый из этих паттернов интеграции сталкивается с проблемами культуры, языка, идентичности и гражданства совершенно по-разному и может рассматриваться также с разных сторон. Многие исследователи предполагают, что иммигранты не обязательно движутся в определенной последовательности через заранее определенные «стадии» аккультурации и потому требуется более тонкая и гибкая модель. К примеру, существует гипотеза о самых различных видах интеграции мигрантов в зависимости от характера проблем, связанных с культурой или степенью принятия, которые могут быть обозначены как «ассимиляция», «сегрегация», «маргинализация», «насильственная интеграция» и др[121].

Сегодня наиболее общепринятой моделью интеграции иммигрантов является «культурный плюрализм» или «мультикультурная» модель, которая лежит где-то между ассимиляцией и разделением и влечет за собой «более толерантное и разрешительное отношение к культурному происхождению»[122] всех групп и поощряет (или, по крайней мере, выражает к ним толерантность) поддержание различий в языке, культуре, религии и обычаях. Однако культурное многообразие и его институциональные и политические

---

[120] Weiner M. Determinants of immigrant integration: An international comparative analysis // Immigration and Integration in Post-Industrial Societies: Theoretical Analysis and Policy-Related Research (Migration, Minorities and Citizenship) / Ed. by N. Carmon. — New York: Palgrave Macmillan, 1996. — P. 46–64.

[121] Berry J. W. Immigration, acculturation, and adaptation // Applied Psychology: An International Review. — 1997. — №46(1). — P. 5–34.

[122] Brody B. T. Op. cit. P. 39.

последствия стали причиной возникновения противоречий в либеральных обществах. Мультикультурализм поднял вопросы о самой природе гражданства (индивидуальная личность против группы) и роли этнической принадлежности, языка и культуры в определении членства в национальном сообществе.

Данные по иммиграции и расселению латиноамериканских *nikkei* в Японии предоставляют уникальную возможность изучить относительную важность таких факторов, как этническая принадлежность, культура и язык, которые, как считается, влияют на интеграцию иммигрантов в Японии. Хотя общепринятое мнение о «детерминантах» интеграции иммигрантов предполагает, что этническая принадлежность играет основную роль в облегчении интеграции иммигрантов в «этнические» режимы гражданства, такие как в Японии, проведенные здесь исследования показывает, что другие, менее объективные факторы могут играть более важную роль в содействии мирному интеграционному процессу для иммигрантов в таких условиях. В частности, мы уже могли убедиться, что, хотя Японии не нужно и, возможно, она никогда не станет «страной иммиграции», она, как и Германия, должна признать существование иммигрантских меньшинств, проживающих в качестве постоянных поселенцев в пределах ее границ, и принять соответствующие институциональные меры для предотвращения насилия и социальных конфликтов и содействия гражданской интеграции.

Положение *nikkeijin* в японском обществе подчеркивает многие противоречия иммиграционной политики Японии. Хотя Закон об иммиграционном контроле и признании беженцев 1990 года основывался на логике *jus sanquinis*, внутренняя политика Японии в отношении этих «этнических иммигрантов» способствует их эффективной изоляции от японского общества и укрепляет их статус «чужаков». Это противоречие можно рассматривать как результат отсутствия координации в японской политике между уровнем «символической политики» и «практической

политикой»[123]. В то время как сфера «символической политики» включает в себя национальные представления об обществе и культуре, уровень «практической политики» включает в себя повседневные проблемы, затрагиваемые миграцией. Сюда входят вопросы образования, жилья, рынка труда и страхования. И здесь вновь всплывает фундаментальное противоречие между официальным отношением японского правительства к *nikkeijin* как «этническим репатриантам» (а не трудовым мигрантам) в иммиграционной политике и их фактическим обращением по приезду в Японию, как к жителям и рабочим. Как это ни парадоксально, потомки японских эмигрантов рассматриваются как «члены» японского общества до тех пор, пока они не войдут на территорию Японии.

Закон Японии 1990 года открыл «боковую дверь» для *nikkeijin* просто в силу их этнической принадлежности. Политика, построенная в рамках логики японского «этического» режима гражданства, была принята исходя из предположения, что общая этническая принадлежность будет гарантировать им беспрепятственную интеграцию. Другими словами, политики приравнивали этническую принадлежность к другим факторам, таким как язык и культура.

Отмечается, что «Racial descent is the primary basis for the definition of Japanese ethnic identity because of an underlying Japanese ethnic assumption that correlates race with culture. In other words, those who are racially Japanese (i.e. of Japanese descent) are assumed to be culturally Japanese as well» («Расовое происхождение является ключевой основой для определения японской этнической идентичности из-за основополагающего японского этнического предположения, которое соотносит расу с культурой. Другими словами, считается, что те, кто являются японцами по расе (то есть имеют японское происхождение), также являются японцами по культуре»)[124].

---

[123] Brody B. T. Op. cit. P. 114.

[124] Tsuda Takeyuki. The motivation to migrate: The ethnic and socio-cultural construction of the Japanese-Brazilian migration system // Economic Development and Cultural Change. — 1999. — №48(1). — P. 11.

Хотя этот идеологический аргумент мог создать политически приемлемое компромиссное решение проблемы спроса на неквалифицированную рабочую силу в Японии, на практике, как показывает это исследование, он оказался радикальным просчетом. Факторы, отличные от этнической принадлежности, особенно языковые и культурные различия, препятствуют органичной интеграции этой группы мигрантов. На самом деле, ни коренные японцы, ни сами этнически японские «возвращенцы» не считают *nikkeijin* «японцами». С точки зрения многих *nikkeijin* их социализация в Бразилии, несмотря на японскую «кровь», делает их более «бразильскими» по характеру и идентичности, чем «японцы». То есть реальная причина их изоляции от японского общества связана с принципиальными различиями моделей социального поведения, ценностей и мировоззрения[125]. Успешная интеграция в японское общество будет крайне маловероятной, если эти различия будут по-прежнему игнорироваться.

Основным требованием интеграции иммигрантов является способность общаться в принимающем обществе — без этой способности разделение и изоляция практически гарантированы. Языковая подготовка, в настоящее время доступная в основном от частных или общественных организаций, является необходимостью и должна поощряться на самом высоком правительственном уровне. Проблема языковой интеграции тесно связана со многими другими проблемными областями миграции. Например, на японском рынке труда мигранты зависят от промежуточных компаний занятости и никак не могут обсуждать напрямую с работодателем вопросы заработной платы и возможных льгот. Аналогичный структурный фактор, ограничивающий жилищную ситуацию, удерживает мигрантов как группу, постоянно проживающую в рамках определенных районов. Их сегрегация по месту жительства снижает срочную необходимость изучать японский язык и способствует их неучастию в жизни местного общества.

---

[125] Brody B. T. Op. cit. P. 114–115.

Японская система образования должна адаптироваться к реальности ее «интернационализации», предоставляя адекватные учебные программы и инструкции для неяпонских детей. Статус-кво не позволяет этим детям получить полное письменное и устное понимание японского языка и, таким образом, препятствует их полной интеграции в японское общество, лишая их доступа ко всему спектру среднего и высшего образования.

Культурные различия должны разрешаться по-другому. Хотя на уровне «символической политики» Япония приняла идеи «интернационализации» и «глобализации», на уровне «практической политики» сохраняется ожидание либо полной ассимиляции, либо абсолютного примирения с нынешней ситуацией. Культурные различия все еще официально не приемлемы. Например, несмотря на то, что после Второй мировой войны в Японии проживало несколько поколений этнических корейцев, многие из них приняли японские имена и хранили в секрете свое корейское наследие, пытаясь избежать дискриминации и «выдавая себя за японцев»[126]. Что касается *nikkeijin*, то им, безусловно, никто не запрещает сохранять свою бразильскую идентичность и особенности в Японии, однако, этот их свободный выбор часто обрезает отношения с японским обществом. К ним относятся как к «иностранцам», несмотря на их этнические связи с Японией, и, как следствие, они подвергаются исключению и дискриминации, как и все остальные неяпонцы.

Этот случай подчеркивает дилеммы мультикультурализма в «этнических» режимах гражданства, таких как Япония. Динамика глобализации, международной экономической интеграции и международной миграции рабочей силы бросает вызов давним определениям членства в национальном сообществе Японии. Учитывая изменяющиеся нормы международных прав человека, национальным государствам все труднее ограничивать права определенных групп только на основе расовых или этнических особенностей. Правительство Японии ставит мигрантов в

---

[126] Brody B. T. Op. cit. C. 116.

невозможное положение. С одной стороны, официальные лица утверждают, что иностранцы никогда не могут быть «японцами» и что *nikkeijin* разрешен въезд из-за их «этнического членства». Но, с другой стороны, в Японии даже эти «этнические японцы» должны стать «настолько японскими, насколько это возможно»[127] — по языку, социальным правилам и пр. В ином случае они будут оставаться отделенными от более широкого японского общества. Однако это ожидание полной ассимиляции или «японизации» противоречит ценностям культурного разнообразия и сохранению подлинной культурной самобытности, которые все чаще рассматриваются как неотъемлемые права человека в других развитых индустриальных демократиях. Кроме того, эти ожидания противоречат международным договорам и соглашениям, принятым Японией, стремящейся стать более «международным» игроком.

В контексте адаптации немного особняком стоит интересная ситуация, сложившаяся вокруг мигрантов из Китая. Образовавшиеся общины поделились на «старую» и «новую» в соответствии с волнами миграции. Так называемые «синь хуацяо» (новые хуацяо — представители миграции с 1980-х гг.) показательно дистанцируются от старой общины, формируя собственные организации в чайнатаунах. Их принципиальное отличие от мигрантов первого периода состоит в сознательном переезде и выборе страны для постоянного проживания. Многие из них хотят натурализоваться и стать гражданами Японии. Благодаря местному образованию и укрепляющимся экономическим связям между Китаем и Японией, китайские мигранты последней волны имеют больше возможностей для реального проникновения в жизнь местного японского общества: «На фоне всё большего возрастания важности китайского рынка для японских компаний и развития двусторонних торгово-экономических связей произошло некоторое смыкание экономических интересов китайских мигрантов и японского бизнеса. Все большее число китайцев занимают позиции консультантов и представителей в японских компаниях, работающих на китайский рынок.

[127] Brody B. T. Op. cit. P. 119.

Многие, набрав опыт, открывают собственный бизнес. Занимая все более высокую социально-экономическую нишу в японской обществе, новые мигранты неизбежно приходят к соприкосновению с представителями общины «старых хуацяо», многие из которых заняты в крупном и успешном бизнесе. Возможно, уже сейчас начинает формироваться новый мощный сегмент всемирной сети китайских мигрантов — экономически активная китайская община в Японии»[128].

Таким образом, хотя Япония может никогда не стать «страной иммиграции» в соответствии с моделью Соединенных Штатов, Канады или Австралии, присутствие значительного числа иммигрантов в пределах ее границ требует создания и реализации жизнеспособной миграционной политики, которая будет способствовать интеграции иммигрантов и предотвращению насилия, социальных конфликтов и фрагментации населения.

[128] Ковригин Н. Е. Указ. соч. С. 27.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В магистерской диссертации была изучена социокультурный аспект миграционной политики Японии XX–XXI вв. С точки зрения экономического и культурного развития страны были проанализированы законодательная и правовая база, а также практика их применения с целью регуляции миграционных процессов внутри страны. Масштабные миграции населения всегда были неотъемлемой частью развития человеческих цивилизаций, которое также всегда предполагало определенные потрясения для установившегося социально-политического порядка тех или иных регионов. Сегодня мы находимся в мире, где мигрировать можно с наименьшими, чем когда-либо ранее ограничениями: и массовые потоки людей устремляются в различные части света — прежде всего, из менее благополучных стран в государства с развитой и развивающейся экономикой. При этом, результаты колоссального влияния миграционного процесса современных масштабов и перемены, связанные с ним, сегодня происходят буквально на наших глазах и давно стали одной из самых актуальных общемировых проблем. В данной работе мы попытались осмыслить данные вызовы глобализации на примере миграционных процессов в Японии.

Во вступительной части определены объект, предмет, цель, задачи и методы нашего исследования, раскрыта актуальность, значимость и степень научной разработанности заявленной темы.

В первой главе были выявлены основные этапы миграционного движения в Японию и ее демографические процессы с середины XIX в. по наше время. Для страны были характерны частые смены периодов смягчения и ужесточения контроля за миграцией. Поначалу Япония была открыта практически на протяжении века, но с 1950-х гг. въезд в страну был строго ограничен до 1980-х гг., когда вновь стали открываться и создаваться различные каналы миграции.

В главе также рассмотрен общественно-политический контекст проведения политики в области миграции. Япония — это страна с глубоко

укоренившимися идеями о ее самобытности, ее однородности и гармонии. С древних времен культивировался миф об однородности и уникальности японцев, способствующий двухсотлетней изоляции страны, которая началась в 1600-х годах. Тогда же произошло рождение могущественного культурного национализма и национальной идентичности, основанной на понятии «один язык, одна раса». Тем не менее, Япония не осталась изолированной и отделенной от мирового общества. Огромный экономический успех Японии в послевоенный период сделал страну главной экономической державой, вовлеченной в многочисленные процессы глобализации и международной интеграции. Последствия глобализации международных экономик, а также норм в области прав человека привели к столкновению в Японии между традиционными концепциями членства и гражданства, с одной стороны, и новыми политическими инициативами, способствующими «интернационализации», — с другой.

Во второй главе были изучены непосредственно законодательные и правовые аспекты миграционной политики Японии. Эволюция различных актов, принимаемых министерством юстиции, в принципе, старается следовать историческому развитию страны, однако, очевидно серьезно запаздывает за ним. При рассмотрении действительного правового положения мигрантов из разных стран нами выявлены очевидные противоречия теории и практики осуществления политики в сфере миграции. Дуализм японской миграционной политики особенно ярко проявляется на примере японских иммигрантов из Латинской Америки — группы, которая этнически и юридически находится внутри Японии, но при этом за пределами культурного сообщества.

Кроме того, подробно рассматривается проблема противоречий между законами и практикой в области миграциию. Изучая социокультурный аспект миграции в Японии, мы постарались выявить и проанализировать основные проблемы адаптации иностранцев в стране восходящего солнца. Исторически сама природа миграционной политики и правоприменения Японии

способствовала конфликту между «здесь» и «там», когда иммигранты рассматриваются во всех смыслах аутсайдерами — вне закона, вне культуры и вне расы. Эта дихотомия, очевидная в японской иммиграционной политике, является лишь одним из проявлений постоянных тем в японской культуре, обществе и политике. Традиционные японские представления о гражданстве и членстве в местном сообществе тормозят принятие необходимых законов и мешают адаптации мигрантов: у них мало возможностей учить японский язык, зато множество гласных и негласных ограничений при выборе работы, жилья, образования для детей и др. Несмотря на долгий путь к большей толерантности по отношению к мигрантам и уважению их прав, эти группы населения продолжают дискриминироваться в японском обществе.

В ходе нашего исследования сделан вывод о необходимости постоянного совершенствования японского законодательства в сфере миграции. Кроме того, необходимо продумать эффективные подходы для решения вопроса культурных различий, которые вызывают серьёзные конфликты между местным и приезжим населением. Динамика глобализации и международной миграции в сочетании с повсеместно растущим признанием прав человека в отношении расовой и культурной терпимости подчеркивает неадекватность чисто «этнических» основ для включенности в местное сообщество. Традиционные японские взгляды, строго отделяющие японцев от «других», способствовали только неэффективному политическому реагированию на меняющиеся реалии международной повестки. В 2002 г. профессор международного права Токийского университета Ясухико Сайто писал: «Япония уже сделала многое, чтобы открыть свои двери международному потоку товаров, капиталов, информации. Все, что осталось — открыться для потоков людей... <…> Нравится это или нет, но Япония должна будет приспособиться к этой глобальной тенденции. Если она должна будет стать интегрированной частью международного сообщества, она не может продолжать настаивать на

исключении из правил для себя. С конца Второй мировой войны Япония старалась сохранить свою гомогенность и тем самым избежать многочисленных культурных и социальных проблем, с которыми сталкиваются многорасовые и поликультурные общества. Но времена изменились»[129].

Присутствие Японии на международной политической арене и её желание активно влиять на решения в области экономики всего мира очевидно вынуждают её пересматривать не только свои политические и экономические взгляды, но также и культурные. Последние десять лет показывают, что японское общество начинает всё больше принимать данные правила игры, однако, конечно, работа еще продолжается. Согласно опубликованным правительственным отчетам за 2013 г., доля иностранных резидентов, получивших статус постоянного жителя в Японии, тогда превысила 30%. Если же учесть, что иностранные резиденты, получившие специальный статус постоянного жителя, включаются в число супругов граждан Японии и постоянных жителей по месту жительства (проживающих в Японии), а также этнических корейцев, проживающих в Японии, то число иностранцев-резидентов, которым предоставлено постоянное место жительства, фактически превышало 60%[130]. Однако доля иностранцев среди японского населения по-прежнему составляла менее 2%[131].

Однако ситуация продолжает меняться в положительную сторону. В июне 2018 года правительство Японии объявило о своем решении провести правовые и институциональные реформы, которые резко ослабят общеизвестно строгую политику Японии по приему иностранных работников. В соответствии с планом правительства, изложенным в «Основной политике в области экономического и налогового управления и реформ 2018 года», Япония установит новый статус проживания для

---

[129] Kashiwazaki C. Japan’s Resilent Demand for Foreign Workers // https://www.migrationpolicy.org/article/japans-resilient-demand-foreign-workers

[130] Takashi Kodama. Japan’s Immigration Problem // Daiwa Institute of Research: Japan’s Economy. — Daiwa, 29.05.2015. — P. 9.

[131] Takashi Kodama. Op. cit. P. 16.

низкоквалифицированных и полуквалифицированных работников в секторах, испытывающих острую нехватку рабочей силы.

Отмечая, что эти иностранные работники будут приниматься только на временной основе (максимальный срок пребывания составляет пять лет), правительство настаивает на том, что политика направлена только на обеспечение людских ресурсов по мере необходимости, а не на поощрение иммиграции (imin) в смысле постоянного перемещения. Тем не менее, кабинет министров, по-видимому, рассматривает меры, которые откроют путь к долгосрочному проживанию, в том числе специальные условия для иностранных работников в сфере сестринского ухода и механизмы, с помощью которых участники текущей программы технического стажировки и работники, допущенные в соответствии с новой системой, смогут повысить свой статус проживания и в конечном итоге продлить свое пребывание.[132]

Однако, несмотря на относительно небольшое иностранное население, Япония ни в коем случае не является ксенофобской нацией. Но японцы могут стать ксенофобами, если конфликты и проблемы распространятся после притока иностранцев. В основе таких вспышек враждебности лежит растущее убеждение коренного населения, оправданное или нет, в том, что присутствие мигрантов наносит ущерб или угрожает их образу жизни. Именно такой ситуации нужно стараться избегать.

Если японские политики и лидеры считают, что открытие двери для иностранцев принесет пользу японскому обществу в долгосрочной перспективе, у них должна быть политическая способность объяснять это гражданам страны и добиваться принятия краткосрочного воздействия. Новая политика в отношении иностранных работников определяется сильными деловыми интересами, но ее успех в конечном итоге будет зависеть от того, как оно относится к уязвимым слоям общества, независимо от его национальности или этнической принадлежности.

---

[132] Okabe Midori. Updating the Immigration Debate// https://www.nippon.com/en/in-depth/a06001/updating-the-immigration-debate.html

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

Источники

На русском языке

1. Государственные органы исполнительной власти Японии: справочник / Ин-т Дальнего Востока РАН, Центр исследований Японии / Сост., пер. с яп., вступ. ст. Н. В. Анисимцева. — М.: МАКС Пресс, 2004. — 289 с.

На английском языке

2. The Asahi Shimbun Japan Almanac. — Tokyo: Asahi Shimbun Pub. Co, 1996–2010.
3. Basic Plan for Immigration Control (2d edition) // http://www.moj.go.jp/ENGLISH/IB/IB2000/ib.html.
4. Government of Japan: Cabinet Office // https://www.cao.go.jp/.
5. Hata H., Nakagawa G., Nakagawa T. Japan // International Encyclopaedia of Laws. Constitutional Law. Suppl. 20. The Hague, 1996.
6. History Channel of Japan // http://www.historychannel.co.jp/.
7. Japan: An Illustrated Encyclopedia. — Tokyo: Kodansha USA Inc, 1993. — 1924 p.
8. Modern Japan: An Encyclopedia of History, Culture and Nationalism / Ed. by J. L. Huffman. — New York: Garland, 1998. — 352 p.
9. Kyoto University Libraries Electronic Resources // https://www.kulib.kyoto-u.ac.jp/erdb?c=erdb_type_c&lang=en.
10. Nippon: a Charted Survey of Japan / Taizo Ishizaka, The Tsuneta, Yano Memorial Society. — Tokyo: Kokusei-sha, 1994-95; 2000-2013.
11. Prime Minister of Japan and His Cabinet // http://www.kantei.go.jp/.
12. University of California East Asian Library Japanese Historical Maps // http://www.davidrumsey.com/japan/.
13. University of Virginia Library Japanese Text Initiative: Толковый словарь // http://jti.lib.virginia.edu/japanese/jti.dictionary.euc.html.
14. Ёрон тёса нэнкан (Ежегодник изучения общественного мнения в Японии, издается Канцелярией премьер-министра). — Токио, 1990–2018;

15. Нихон токэй нэнкан (Япония: статистический ежегодник). — Токио, 1993–2018.

Литература

На русском языке

16. Актуальные проблемы современной Японии. / Ин-т Дальнего Востока РАН; гл. ред. В. О. Кистанов. — Вып. 26. — М., 2012. — 205 с.
17. Алпатов В. М. Япония: Язык и культура. — М.: Языки славянских культур, 2008. — 206 с.
18. Алпатов В. М. Япония: язык и общество / Ин-т востоковедения РАН. — М.: Муравей, 2003. — 195 с.
19. Анисимцев Н. В. Иммиграционная политика Японии: сохранение национальной идентичности в условиях глобализации // Вестник МГУ. — Серия 18: Социология и политология. — 2005. — №4. — С. 113–125.
20. Анисимцев Н. В. Исполнительная власть Японии на рубеже веков: система и эволюция. — М., 2008. —
21. Белов К. В. Глобальное гражданское общество в современном мире: роль некоммерческих организаций Японии. — СПб.: Свое изд-во, 2013. — 198 с.
22. Бикс Г. Хирохито: Создание современной Японии. / Пер. с англ. Ю. Г. Кирьяка. — М.: АСТ, 2002. — 572 с.
23. Бок Зи Коу. Экономика Японии: Какая она? / Зи Коу Бок. — М.: Экономика, 2002. — 350 с.
24. Васильева Т. А. Миграционное законодательство и миграционная политика Японии // Труды Института государства и права Российской академии наук. — 2010. — №3. — С. 185–208.
25. Воскресенский А. Д. Политические системы и модели демократии на Востоке. — М.: Аспект Пресс, 2007. — 190 с.
26. Восток и политика: Политические системы, политические культуры, политические процессы: Науч.-метод. комплекс / Под ред. А. Д. Воскресенского. — М.: Аспект Пресс, 2011. — 685 с.

27. Гайкин В. А. Корейцы — трудовые мигранты в Японии (1914–1937 гг.) // Современная наука. — 2016. — №1. — С. 107–110.
28. Еремин В. Н. История правовой системы Японии. — М.: РОССПЭН, 2010. — 294 с.
29. Еремин В. Н. Политическая система современного японского общества. — 2-е изд., испр. и доп. — М.: Российская академия наук; Институт востоковедения, 1993. — 216 с.
30. История и культура традиционной Японии / Ред. А. Н. Мещеряков. — СПб.: Гиперион, 2012. — 442 с.
31. История Японии: В 2 т. / Ред. А. Е. Жуков. — М.: Институт востоковедения РАН, 1998.
32. История Японии: Сборник исторических произведений / Под ред. И. А. Настенко. — 6-е изд., доп. — М.: Рус. панорама, 2010. — 511 с.
33. История Японии / Н. Ф. Лещенко и др.; под ред. Д. В. Стрельцова; Ассоц. японоведов; МГИМО(У) МИД России; Ин-т востоковедения РАН. — М.: Аспект Пресс, 2015. — 559 с.
34. Иэнага Сабуро. История японской культуры. / Пер. Б. В. Поспелова. — М.: Прогресс, 1972. — 312 с.
35. Китагава Д. М. Религия в истории Японии / Пер. с англ. Н. М. Селиверстова; под ред. С. В. Пахомова. — СПб.: Наука, 2005. — 558 с.
36. Ковалев В. И. Японцы: повседневность и традиции. — М.: Компания Спутник+, 2007. — 257 с.
37. Ковригин Н. Е. Китайская миграция в Японию: историческая ретроспектива и проблемы социальной адаптации мигрантов: автореферат дис. ... кандидата исторических наук: 07.00.03 / С.-Петерб. гос. ун-т. — СПб, 2010. — 30 с.
38. Крупянко М. И. Японский национализм: идеология и политика / М. И. Крупянко, Л. Г. Арешидзе; Ин-т востоковедения РАН. — М.: Междунар. отношения, 2012. — 401 с.

39. Кузнецов С. И. Китайцы в современной Японии: проблема нелегальной иммиграции // http://www.isu.ru/hist/mimo/confer/kuznetsov.html.
40. Мир по-японски: эстетические и этические ценности в японской культуре / Вступ. ст., сост. Е. В. Маевского. — СПб.: Северо-Запад, 2000. — 568 с.
41. Мировой кризис и Япония. / Ю. Д. Денисов и др.; отв. ред. И. П. Лебедева, С. Б. Маркарьян; Ин-т востоковедения РАН; Японский фонд. — М.: АИРО-XXI, 2009. — 246 с.
42. Михеев В. В. Китай-Япония: стратегическое соперничество и партнерство в глобализирующемся мире / Ин-т мировой экономики и междунар. отношений РАН. — М., 2009. — 358 с.
43. Молодяков В. Э. Консервативная революция в Японии: политика и идеология: диссертация ... доктора политических наук: 23.00.02. — М.: МГУ им. М. В. Ломоносова, 2004. — 334 с.
44. Молодякова Э. В. Трансформация иммиграционной политики Японии. //Японский опыт для российских реформ. — Вып. 1. — М., 2002. — С. 54–62.
45. Мошняга П. А. Глобализация японской культуры: монография. — М.: МАКС Пресс, 2010. — 245 с.
46. Накасонэ Я. Государственная стратегия Японии в XXI веке / Пер. с яп. В. Н. Чигирева, С. В. Бунина. — М.: NOTA BENE, 2001. — 311 с.
47. Норбури П. Япония: путеводитель по обычаям и этикету / Пер. с англ. Ю. Е. Бугаева. — М.: Астрель: АСТ, 2007. — 159 с.
48. Опыт Японии в решении социально-экономических проблем / Бунин В. Н.; Петров Д. В.; Навлицкая Г. Б. и др. — М.: Центр по изучению современной Японии, 1995. — 327 с.
49. Политическая система современной Японии: Учеб. пособие для студентов вузов / Под ред. Д. В. Стрельцова. — М.: Аспект Пресс, 2013. — 384 с.

50. Портрет современного японского общества / Ин-т востоковедения РАН; Центр изучения совр. Японии; Японский фонд. — М.: АИРО-XXI, 2006. — 279 с.
51. Реформы современной Японии (1994-2006 гг.) / Ин-т Дальнего Востока РАН; ред. В. Н. Павлятенко. — М., 2008. — 339 с.
52. Семин А. В. Японо-китайские отношения: состояние, проблемы и тенденции (конец XX–начало XXI века) / Ин-т Дальнего Востока РАН. — М., 2008. — 281 с.
53. Стрельцов Д. В. Внешнеполитические приоритеты Японии в Азиатско-Тихоокеанском регионе. — М.: Наука; Вост. лит., 2015. — 279 с.
54. Сэнсом Дж. Б. Япония: краткая история культуры. / Пер. с англ. Е. В. Кириллова. — СПб.: Евразия, 1999. — 576 с.
55. Чун Чэджон. Южнокорейское-японские переговоры: соглашение о нормализации отношений и южнокорейского-японские отношения в последовавшие годы. — Сеул: Фонд истории Северо-Восточной Азии, 2015. — 191 с.
56. Чугров С. В. Социокультурное пространство и внешняя политика современной Японии / Ин-т мировой экономики и междунар. отношений РАН. — М., 2007. — 252 с.
57. Чугров С. В. Япония в поисках новой идентичности / Ин-т мировой экономики и междунар. отношений РАН. — М.: Вост. лит., 2010. — 311 с.
58. Шарко М. В. Политические процессы Японии: традиции и современность / Дипломат. акад. МИД России. — М.: Науч. книга, 2004. — 215 с.
59. Япония в Азиатско-Тихоокеанском регионе: политические, экономические и социально-культурные аспекты / Отв. ред. Д. В. Стрельцов. — М.: Вост. лит., 2009. — 256 с.
60. Япония в поисках новой глобальной роли / Отв. ред. Д. В. Стрельцов. — М.: Вост. лит., 2014. — 303 с.

61. Япония 2015: ежегодник. — Т. 44. — М.: АИРО-XXI, 2015. — 352 с.
62. Япония и глобальные вызовы: стратегия борьбы / Центр исследований совр. Японии; Японский фонд; ред. В. Н. Палятенко. — М.: МАКС Пресс, 2008. — 228 с.
63. Япония и глобальные проблемы человечества / Центр по изучению совр. Японии; Японский фонд; ред. В. Б. Рамзес. — М.: Вост. лит., 1999. — 294 с.
64. Япония: Как ее понять: Очерки современной японской культуры / Пер. с англ.; под ред. Р. Д. Дэвиса, Осаму Икэно. — М.: АСТ, 2009. — 318 с.
65. Япония: опыт модернизации / Отв. ред. Э. В. Молодякова, С. Б. Макарьян. — М.: АИРО-XXI, 2011. — 283 с.
66. Япония, открытая миру / Рук. проекта Э. В. Молодякова. — М.: АИРО-XXI, 2007. — 308 с.
67. Япония: со структурными реформами в XXI век. / Отв. ред. А. И. Павлятенко. — М.: МАКС Пресс, 2007. — 245 с.

На английском языке

68. Akaha Tsuneo, Kashiwazaki Chikako. Japanese Immigration Policy: Responding to Conflicting Pressures // Migration Information Source: Fresh Thought. Authoritative Data: Global Reach. — Washington: Migration Policy Institute, 2008. // URL: https://www.migrationpolicy.org/article/japanese-immigration-policy-responding-conflicting-pressures.
69. Bailey B. Japanese Laws and Policies Concerning Immigration (Including Refugees and Foreign Workers) // http://www.ufj.gol.com/newsletter/japan_immigration.html.
70. Berry J. W. Immigration, acculturation, and adaptation // Applied Psychology: An International Review. — 1997. — №46(1). — P. 5–34.
71. Brockman. The Job Hunter’s Guide to Japan. — Tokyo-New York; London: Kodansha USA Inc, 1990. — 232 p.

72. Brody B. Opening the Door, Immigration, Ethnicity and Globalization in Japan. — New York; London: Routledge, 2002. — 152 p.
73. The Cambridge History of Japan. — Vol. 6: The Twentieth Century. / Ed. by P. Duus. — Cambridge: Cambridge University Press, 1989. — 888 p.
74. Cobbing A. The Japanese Discovery of Victorian Britain: Early Travel Encounters in the Far West. — Abingdon: Psychology Press, 1998. — 308 p.
75. Fukuoka Yasunori. Beyond Assimilation and Dissimilation: Diverse Resolutions to Identity Crises among Younger Generation Koreans in Japan // Saitama University Review. — Vol. 31. — №2 / URL: http://www.han.org/a/fukuoka96b.html#note1
76. Gardiner C. H. The Japanese and Peru: 1873-1973. — Albuquerque: University of New Mexico Press, 1975. — 202 p.
77. Gonzalez D. Japanese-Brazilians: Straddling Two Cultures // Lens Blog. The New York Times: Lens Blog. — 25.09.2012 / URL: https://lens.blogs.nytimes.com/2013/09/25/japanese-brazilians-straddling-two-cultures/?partner=rss&emc=rss.
78. Henshall K. A History of Japan: From Stone Age to Superpower. — London: Palgrave Macmillan, 2012. — 288 p.
79. Hirowatari S. Foreigners and the «Foreigners Question» under Japanese Law // Annals of the Institute of Social Science. — 1993. — №35. — P. 91–122.
80. Iguchi Y. Prospects on migration policy reform from standpoint of Economic Integration in East Asia // Migration Policy Review. — 2009. — №1. — P. 18–35.
81. Japan in Traditional and Postmaps Perspectives. / Ed. by Ch. Wei-hsun Fu, St. Heine. — New York: State University of New York Press, 1995. — 334 p.
82. Kashiwazaki C. Japan’s Resilent Demand for Foreign Workers // http://www.migrationinformation.org/Feature/display.cmf?ID=8.
83. Kondo A. Development of Immigration Policy in Japan // http://www.jp.kyusan-

u.ac.jp./J/keizai/pdffiles/Development%20Immigration%20Policy20%in2-%20Japan.pdf.

84. Koshiro Kazutoshi. Does Japan Need Immigrants? // Temporary Workers or Future Citizens? Japanese and U.S. Migration Policies / Eds. M. Weiner, Tadashi Hanami. — New York: Macmillan, 1998. — P. 151–176.
85. Masterson D. M., Sayaka Funada-Classen. The Japanese in Latin America: The Asian American Experience. — Urbana, Illinois: University of Illinois Press, 2004. — 368 p.
86. Multicultural Japan: Palaeolithic to Postmodern / Ed. by D. Denon, M. Hudson, G. McCormack, and T. Morris-Suzuki. — Cambridge: Cambridge University Press, 2001. — 306 p.
87. Nakane Chie. Human Relations in Japan. — Tokyo: Ministry of Foreign Affairs, 1972. — 86 p.
88. Nakane Chie. Japanese Society. — Berkeley: University of California Press, 1972. — 172 p.
89. Ozawa I. Reforming Japan. The Third Opening. // The Economist. — 09.03.1996.
90. Reischauer E. O., Jansen M. B. The Japanese Today: Change and Continuity. — Cambridge, Massachusetts: Belknap Press, 1995. — 438 p.
91. Riley K. Immigration, Globalization, and Reluctance in Japan // http://www.nichibei.org/ykw/karen-reluctance.html.
92. Rummel R. J. Statistics Of Japanese Democide: Estimates, Calculations, And Sources / URL: http://www.hawaii.edu/powerkills/SOD.CHAP3.HTM.
93. Shimada Haruo. Handling the Influx of Foreign Workers // Japan Echo. — 1989. — Vol. 16. — №1. P. 57–62.
94. Sekiguchi Toko. Japan Skirts Immigration Debate by Offering 'Internships' to Foreigners // The Wall Street Journal. — 14.04.2015 / URL: https://www.wsj.com/articles/japan-skirts-immigration-debate-by-offering-internships-to-foreigners-1429049533.

95. Spencer S. A. Illegal migrant laborers in Japan // International Migration Review. — 1992. — №26(3). — P. 754–786.
96. Tabuchi Hiroko. Japan Pays Foreign Workers to Go Home // New York Times. — 22.04.2009 / URL: https://www.nytimes.com/2009/04/23/business/global/23immigrant.html.
97. Tipton E. K. Modern Japan: a Social and Political History. — London; New York: Routledge, 2008. — 330 p.
98. Togo Kazuhiko. Japan's Foreign Policy, 1945–2003: The Quest for Proactive Policy. — Leiden: Brill, 2005. — XXI, 484 p.
99. Tsuchida Motoko. A History of Japanese Emigration from the 1860s to the 1990s // Temporary Workers or Future Citizens? Japanese and U.S. Migration Policies / Eds. M. Weiner, Tadashi Hanami. — New York: Macmillan. — P. 77–120.
100. Tsuda Takeyuki. Reluctant Hosts: The Future of Japan as a Country of Immigration // http:// migration.ucdavis.edu/cmpr/feb01/Tsuda_feb01.html.
101. Tsuda Takeyuki. The motivation to migrate: The ethnic and socio-cultural construction of the Japanese-Brazilian migration system // Economic Development and Cultural Change. — 1999. — №48(1). — P. 1–31.
102. Yahuda M. The international Politics of the Asia-Pacific. — 2nd rev. ed. — New York: RoutledgeCurzon, 2004. — XIV, 355 p.
103. Wagner E. W. The Korean minority in Japan 1904–1950. — New York: Institute of pacific relations, 1951. — 108 p.
104. Weiner M. Determinants of immigrant integration: An international comparative analysis // Immigration and Integration in Post-Industrial Societies: Theoretical Analysis and Policy-Related Research (Migration, Minorities and Citizenship) / Ed. by N. Carmon. — New York: Palgrave Macmillan, 1996. — P. 46–64.

(/index.php) (/index.php/ru/) (/index.php/en/)

Поиск заимствований в научных текстах$^{\beta}$

Введите текст:

...или загрузите файл:

Файл не выбран... **Выбрать файл...**

Укажите год публикации: 2019

Выберите коллекции

- **Все**
- **Рефераты**
- **Авторефераты**
- **Иностранные конференции**
- **PubMed**
- **Википедия**
- **Российские конференции**
- **Иностранные журналы**
- **Российские журналы**
- **Энциклопедии**
- **Англоязычная википедия**

Анализировать

Проверить по расширенному списку коллекций системы Руконтекст (http://text.rucont.ru/like)

Обработан файл:
ВКР гумпылова (1) (1)-конвертирован.pdf.

Год публикации: 2019.

Оценка оригинальности документа - 98.52%

Процент условно корректных заимствований - 0.0%

Процент некорректных заимствований - 1.48%

Просмотр заимствований в документе

Время выполнения: 19 с.

Документы из базы

Источники заимствования	В списке литературы	Источники Заимствования
1. Китайская миграция в Японию (http://dlib.rsl.ru/loader/view/01003493753?get=pdf) Авторы: Ковригин, Никита Евгеньевич. Год публикации: 2010. Тип публикации: автореферат диссертации. http://dlib.rsl.ru/loader/view/01003493753?get=pdf (http://dlib.rsl.ru/loader/view/01003493753?get=pdf) Показать заимствования (7)	—	1.48%

2. Китайская община в Японии: вчера и сегодня (http://cyberleninka.ru/article/n/kitayskaya-obschina-v-yaponii-vchera-i-segodnya)

Авторы: Ковригин Никита Евгеньевич.
Год публикации: 2009. Тип публикации: статья научного журнала.
http://cyberleninka.ru/article/n/kitayskaya-obschina-v-yaponii-vchera-i-segodnya (http://cyberleninka.ru/article/n/kitayskaya-obschina-v-yaponii-vchera-i-segodnya)
Показать заимствования (5)

0.98%

Дополнительно

Значимые оригинальные фрагменты

Библиографические ссылки

Искать в Интернете

© 2015 2019 Институт системного анализа Российской академии наук (http://www.isa.ru/index.php?lang=ru)